

по общему мнению исследователей, вскоре после избрания царем *Михаила Федоровича*. Ценность «Повести» как исторического источника невелика, зато, по словам А. А. Назаревского, она «богата фантастическим вымыслом и литературными домыслами своего автора». По своему содержанию она сближается с жанром «видений», поскольку основу «Повести» составляет рассказ о знаменательном видении, которое имело место за несколько лет до ее появления. Летом 1608 г. Е. был послан с толмачом Посольского приказа Григорием Крокольским из осажденной войсками Лжедмитрия II Москвы в другие города «на собрание чина воинского». На пути из Александровской слободы в Переславль-Залесский они обратили внимание на облака в виде готовых растерзать друг друга льва во главе других зверей и змея, окруженного малыми змеями. Спутник Е. истолковал это видение как противоборство царя Василия Шуйского и Лжедмитрия II, а исход видения как знамение скорой гибели их обоих.

Однако «Повесть» Е. заметно отличается от других повестей о «видениях» обширным, предваряющим видение описанием исторической обстановки, в которой оно состоялось. Этот рассказ с большой наглядностью раскрывает политические симпатии Е. Виновниками бедственного положения страны он считает «польских и литовских людей» и казаков, избравших из своего круга лжецаря и замысливших «Российское государство расхитити и себе богатство тлеемое века сего приобрести».

Е. — явный приверженец царя. Он выразил свое расположение к бывшему монарху, поместив его полный торжественный титул и генеалогическую справку, согласно которой Василий Шуйский был прямым преемником русских царей. Говоря о свержении и пленении Шуйского, Е. откровенно выражает сожаление о его судьбе и осуждение в адрес заговорщиков.

Начало «Повести» свидетельствует о принадлежности Е. к приказному миру, поскольку написано языком торжественных грамот того времени. Рассказ о разорении России, «видение» и его истолкование, выраженное в диалогической форме, изложены, по словам А. А. Назаревского, сравнительно «простым, но все же книжным языком, с обилием славянизмов». Завершают стилистическую характеристику «Повести» патетические восклицания автора, книжные сравнения, многочисленные цитаты из библейских текстов и заключительная молитва, в которой находится традиционная уничижительная формула с просьбой Е. к читателям не бранить его за возможное «недостаточноеумие», ибо «не во Офиных ростох, ни у философов учихся, но невежда сый».

С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский оценили литературную одаренность Е. очень невысоко. С. Ф. Платонов, которого «Повесть о некоей брани» интересовала в первую очередь как исторический источник, считал, что она «не обладает ни внутреннею стройностью, ни внешнею правильностью изложения», и ее появление объяснял «игрою праздного воображения», а не последствиями политического и нравственного кризиса. Для А. А. Назаревского свидетельством слабости литературного таланта Е. послужила пестрота стиля «Повести». Такое представление об авторе «Повести о некоей брани» вызвало возражение О. А. Белобровой, которая указала на широкую образованность Е., начитанность «в сочинениях философского и грамматического порядка», отметила тонкий художественный вкус «каллиграфа». Вызывает сомнение и предложенное С. Ф. Платоновым объяснение причины появления «Повести». Анализируя ее содержание с целью датировки, он сам указывал, что в момент написания «Повести» ни политический, ни нравственный кризисы еще не миновали: «Для них (современников. — Г. Е.) в первые годы новой династии смута еще не кончилась, и они могли молиться о ее окончании именно так, как молился автор Повести». Более того, как раз в эти годы жанр «видений», отражая общественные настроения, получил наибольшее распространение:

1611 г. — *Повесть о видении мнишу Варлааму в Великом Новгороде*, в 1611 г. — «Казанское сказание», в которое полностью вошла «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*, в эти же годы были написаны *Повести о видениях во Владимире* и в Нижнем Новгороде (см. статью *Григорий*).

Вопреки мнению С. Ф. Платонова композиционная структура «Повести о некоей брани» проникнута внутренней логикой повествования. Общее объяснение государственных неурядиц божьим наказанием за грехи, содержащееся в пространном вступлении, предваряет конкретизированное описание политической обстановки в стране, необходимое Е., чтобы объяснить свое присутствие в том месте, где случилось «видение», ради которого написана вся «Повесть». Завершается «Повесть» сообщением об обстоятельствах ее написания и молитвой Е. к богу о защите страны, помощи новому царю и о личном спасении.

Вряд ли может служить доказательством несостоятельности литературного дарования Е. стилистическая неоднородность «Повести». Сочетание стилей разных жанров свойственно многим литературным памятникам начала XVII в. и было, по-видимому, общепризнанной этической нормой.

Соч.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 249—260; Платонов С. Ф. Повесть о некоей брани // *Старина и новизна*: Ист. сб. СПб., 1911. Кн. 15. С. 20—33; Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия // *ТОДРЛ*. Л., 1970. Т. 25. С. 150—161.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 146—153; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 50—51; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 146—154; Енин Г. П. О выдубецком списке «Повести о некоей брани» и ее авторе // *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980. С. 137—142.

Г. П. Енин

Евфросин (вторая половина XVII в.) — старообрядческий писатель, автор «Отразительного писания о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» (1691), полемиического трактата, направленного против учителей и последователей самосожжения в старообрядчестве. В 1667 г. Е. находился в Курженской обители, близ г. Повенца, где был близок к знаменитому вождю старообрядчества игумену Досифею. Игумен Досифей был учителем и, вероятно, духовным отцом Е. Х. М. Лопарев и В. О. Ключевский называли Е. строителем Курженской обители. В этом сомневался П. С. Смирнов, не видевший оснований утверждать, что строитель Курженской пустыни Евфросин и Е., автор «Отразительного писания», — одно лицо. Из текста «Отразительного писания» видно только то, что его автор был учеником Досифея. В приписке к «Отразительному писанию» значится: «... списано с тетрадей, с Минея приносу, с Руси, с Калуги и з Билева, письма старца Евфросина». Следовательно, в 1691 г., когда писан трактат, Е. жил в пределах Калуги и Билева. П. С. Смирнов предполагал, что автор «Отразительного писания» был тем Евфросином, под предводительством которого среди старообрядцев Керженца был «сход» на старца Онуфрия по поводу сомнительных писем протопопа *Аввакума*, и что по имени этого Евфросина в начале XVIII в. назывался старообрядческий толк «евфросиновщина». Трактат Е. известен в одном списке — ГПБ, собр. ОЛДП, О.СХХI (5839), — опубликованном Х. М. Лопаревым.

Как явствует из текста самого трактата, Е. кроме «Отразительного писания» написал еще несколько обличительных сочинений, которые сейчас неизвестны: «столбец», содержащий в себе ответ по поводу самосжигательного учения Ивана Коломенского (по поручению игумена Досифея), «взыскание» на лжеучение Поликарпа, послание к Онуфрию с обличением самосжигательства, краткий ответ самосжигателям (резюме «Отразитель-

ного писания» — «вкратце скорости ради»). Все исследователи, писавшие об «Отразительном писании», отмечали сходство его стиля со стилем протопопа Аввакума.

Соч.: Лопарев Х. М. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самоубийства 1691 года. СПб., 1895. Т. 108. (ПДП).

Лит.: Ключевский В. О. Новооткрытый памятник по истории раскола // БВ. 1896. № 3. С. 440—499; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVIII веке. СПб., 1898. С. LXXIV—LXXXI; Елеонская А. С. «Отразительное писание инок Евфросина» как памятник русской публицистики конца XVII в. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1970. № 363. С. 304—311; Понырко Н. В. Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 156—163.

Н. В. Понырко

Епифаний Пельшемский (последняя четверть XVII в.) — инок, один из литературных деятелей старообрядческого Поморья, житель лесного скита на Пельшемском волоке в Тотемском уезде, деятельный сторонник «старой веры»; создал и хранил скитский архив, переписывал рукописи, сочинения современных полемистов, писал собственные сочинения. Е. был тесно связан с *Аввакумом*, Соловецким монастырем, старцем Досифеем; был арестован, по-видимому, в 1688 г. вместе с товарищем Исачкой Дружининым и доставлен с иконами и книгами, захваченными в ските, в Тотемскую приказную избу. Дальнейшая его судьба неизвестна. Сохранились два письма Е. в единственном списке конца XVII в. — ГПБ, О. XVII.37, л. 36—36 об.: одно (предположительно датируется 1688 г.) повествует об аресте и заключении, другое (дата не определена) направлено некоей «Антониде Афанасьевне» и долгое время приписывалось перу известного *Епифания* Соловецкого, «духовного отца» Аввакума и его пустозерского «соузника».

Соч.: Бороздин А. К. Источники первоначальной истории раскола: XX. Послание инок Епифания к Антониде Афанасьевне // Христ. чт. 1889. № 1. С. 240; Сарафанова (Демкова) Н. С. 1) Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 481—483; 2) Из истории ранней старообрядческой литературы: III. О старце Епифании Пельшемском, последователе Аввакума, тезке Соловецкого инок Епифания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 390—392.

Лит.: Малышев В. И. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума: Приложение 2 // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 117—118 (сведения об аресте Е. по материалам подлинного «дела» XVII в. см.: ЦГАДА, ф. 159, оп. 1, № 2225).

Н. С. Демкова

Злобин Михаил (первая половина XVII в.) — подьячий, поэт приказной школы. Согласно «росписному списку Москвы» 1638 г. у З., служившего тогда подьячим Посольского приказа, был двор в Москве. З. принадлежал к большой приказной семье, остававшейся, впрочем, на вторых ролях в столичной бюрократии (в XVII в., преимущественно в первой его половине, известно до десятка подьячих З., достигавших дьячества лишь в исключительных случаях и служивших в приказах Большого Дворца, Владимирском судном, Поместном, Посольском, Счетном, Хлебном, Ямском, а также писцами на посылах в разных городах и уездах «для межеванья», «для посольской размены» и т. п.).

По семейным, служебным и личным связям З. принадлежал к тому же кругу московской интеллигенции первой половины XVII в., что и большинство стихотворцев приказной школы. Как и справщику *Савватию*, ему покровительствовали влиятельный администратор и дипломат 20—30-х гг. дьяк Василий Львович Волков и, по всей видимости, начальник приказа Большого Дворца князь Алексей Михайлович Львов. Есть осно-

вания полагать, что З. как поэт и человек близко сошелся со справщиком Савватием. Особенно тесные отношения связывали З. с дьяком *Алексеем Саввичем Романчуковым*, также поэтом, блестящим русским интеллигентом 30-х гг.

В рукописях дошло несколько стихотворных эпистолий З. (полностью или фрагментарно). Они написаны, по-видимому, в первой половине 30-х гг. XVII в. Как явствует из акrostихов, эти эпистолии адресовались дьякам В. Л. Волкову и А. С. Романчукову. По технике и художественному качеству стихотворения З. типичны для продукции приказной школы: З. использует тот же «относительно силлабический» стих, ту же регулярную парную рифму, преимущественно грамматическую, снабжает свои эпистолии тем же неперменным акrostихом, представляющим собой этикетное прозаическое обращение (например: «Василию Львовичю Михалко Злобин челом бьет»).

Однако в корпорации приказных поэтов З., насколько можно судить по немногим известным его произведениям, стоял особняком, играл специфическую, из ряда вон выходящую роль. Он избрал литературное и бытовое амплуа весельчака, добровольного шута, потешавшего своих коллег по службе и писательскому ремеслу. Об этом говорит акrostихная фраза в одной из эпистолий к А. С. Романчукову, замечательная свободным ерническим тоном: «Алексей Савич, пожалуй Михалку винца, как тебе бог известит» (слабость к «винцу» была свойственна и другим представителям рода З.; про одного из них, подьячего Семена Злобина, который в 1674—1675 гг. вместе с *И. А. Желябужским* описывал дворцовые села в Юрьеве Польском, было известно, что он падок на винное зелье, «пьет и от питья болен и в делах неисправен»).

В своих стихотворных эпистолиях поэты приказной школы чаще всего просили адресатов о покровительстве и «щедротстве». З. в этом смысле не составляет исключения, однако и в этих просьбах он оригинален. Не считаясь с этикетом «челобитья», З. пишет о своих нуждах прямо, без обиняков, хотя это наигранная, натужная, полупьяная прямота:

Промысли, государь, моею грешною головою,
Да и сам воздарен будещи от бога многю мздою,
Где бы, государь мой благий, в местечко сести, —
Нужно убо есть, воистинну нужно неимущему безо мзды
влясти. . .

Эпистолии З. не изданы, читаются в рукописях: ГБЛ, собр. Тихонова, № 380, л. 112—112 об.; БАН, Архангельское собр., № 527, л. 99—100 об.; ЦГАДА, д. 181, № 250/455, л. 235 (316)—238 об. (319), 264 (344)—267 об. (347).

Лит.: Беляев И. С. Росписной список Москвы 1638 г. // Труды Московского отделения Русского Военно-исторического о-ва. М., 1911. Т. 1. С. 17; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 39—42; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 197.

А. М. Панченко

Злобин Федор Иванович (конец XVII в.) — составитель нравоучительного сборника и автор особой версии «*Троянской истории*» *Гвидо де Колумна*. Единственное биографическое сведение о З. может быть извлечено из записи в сборнике БАН, Архангельское собр. С. 160, л. 205, из которой следует, что сборник этот («таковы тетради») «писал збирая от святых писаний памятью и устроявая на ползу человеком . . . Федор Иванов, сын Злобин, бывшаго астраханскаго архиепископа Пахомна брат двоюродной, будучи в скорби своей, марта в 2 день прошлаго 180-го» (т. е. 1672 г.).

Сборник содержит «Предисловие к православным читателям», оглавление книги, названной составителем «Стезя животная» («или путеѣ мал от смерти к животу ведый»). Она включает четыре главы (слова): слово первое «о благодости ига Христова и о тяжести ига мирскаго и о прочитании книжном»; слово второе «на первый полк мира, на славолубие и гордость»; слово третье «на второй полк мира, сребролюбие, глаголю и немилосердие, еже есть корень всем злым нашим»; слово четвертое «на третий полк мира, на чревообъядение глаголю и пьянство и на вожделение плотских сладострастий иже и сластолюбие наречется». После этих основных глав сборника (они занимают л. 8—161 об.) в нем следуют статьи, не отмеченные в оглавлении: «Молитва и благодарение ко господу богу», где автор благодарит бога, который «. . . благоизволил . . . мене грешнаго начало сотворити писанию книги сея, и сподобил мя . . . своим милосердием и свершити ю», и просит прощения за свое «дерзнутие», т. е. смелость написать это сочинение, после чего читается заключительная запись в традиционных выражениях, где автор радуется окончанию своего труда, а далее — стих, прославляющий «здравие», которое «мнози» не ценят, ибо «в целости быти всяк себя чае». (Не содержится ли в этом намек на болезнь автора, которая, возможно, способствовала его писательским занятиям?).

Затем в сборнике следуют еще четыре статьи, написанные, как можно думать по характеру их содержания и стилистическим особенностям, тем же автором: 1) «Писание се предаю на восприятие честных рук твоих, православный читателю, написанное многогрешною рукою мужа юродива»; 2) «Паки же и сие написание пред лицом честности твоя предлагаю, в нем же содержится описана суeta скверных дел моих и прочих подобных мне грешников»; 3) «Слово о чюдных божиих творениях видимыя твари»; 4) «От того же паки слова ко православным и боголюбезным читателям». Заключает сборник уже упомянутая запись, в которой автор называет себя.

Имя З. встречается также в акrostихе, который предварял текст «Троянской истории» в списке XVIII в. На него обратил внимание владелец списка И. А. Шляпкин, который и предположил, что З. явился переводчиком с польского языка той версии «Троянской истории», которая была опубликована в 1709 г. Однако сейчас установлено, что данная версия, несмотря на свои существенные редакционные и особенно идеологические отличия, восходит в конечном счете к переводу латинского текста «Троянской истории», осуществленному в конце XV—начале XVI в.

Есть основание считать, что З. — составитель сборника, включающего «Стезю животную», и создатель особой версии «Троянской истории» (названной нами Печатной редакцией) — одно лицо. Во-первых, акrostих содержит слова: «Феодор Злобин сию историю написал памятию», что напоминает запись в сборнике БАН. Во-вторых, З. пишет вирши: вирши есть в сборнике БАН, тексту «Троянской истории» также предшествует стихотворное «Предисловие читателю», виршами написаны и первые строки некоторых статей, входящих в сборник. Так, статья «Писание се предаю. . .» начинается словами: «Болезнь нудит мя вещати, недостойство же мое повелевает ми молчати. Скорбь сердца моего поревает мя рещи, грехи же мои возбраняют ми о том небрещи». В-третьих, в той же статье мы находим развернутое описание бури, которое дословно повторяет аналогичное описание в Печатной редакции «Троянской истории», тогда как в других версиях этого памятника описание бури текстуально другое. В-четвертых, дух сборника, где все статьи носят аскетический характер (автор призывает покаяться в грехах и побуждает постоянно осознавать свою греховность, предуготовляться к страшному суду и т. п.), сходен с общим направлением переработки «Троянской истории», из текста которой (в ее Печатной редакции) устранены все сюжетные мотивы, повествующие о чувственной любви героев, и иные сюжетные линии, не имеющие прямого

отношения к описанию Троянской войны. Однако объективная оценка З. может быть получена только тогда, когда будут обнаружены источники «Стези животной» и сопутствующих ей статей и определен объем и характер их редакторской переработки.

Сборник БАН является копией со сборника, составленного З. Копия эта сделана в 1692 г. для *Афанасия*, архиепископа Холмогорского и Важского, что явствует из владельческой записи на рукописи. В. Верюжский допускал даже, что сборник был переписан самим Афанасием (В е р ю ж с к и й В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и турды. . . СПб., 1908. С. 599), причем не в 1692, а в 1693 г., когда Петр I посетил Архангельск, ибо во владельческой записи указано: «. . . списана в походе великого государя у града Архангельска в 200 г.». Известна и еще одна копия с этого сборника (без записи З.) — рукопись БАН, Архангельское собр., Д. 484.

Лит.: Ш л я к и н И. О переводчике «Троянской истории» // Библиограф. 1887. № 8—9. С. 95—96; Т в о р о г о в О. В. 1) Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 64—71; 2) Редактор XVII века // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 48.

О. В. Творогов

Золотарев Петр Алексеевич (вторая половина XVII в.) — «митрополичий сын боярский», автор Золотаревского (Астраханского) летописца, известного также как Сказание о взятии Астрахани Степаном Разиным. О З. известно немного: во время Крестьянской войны под предводительством Степана Разина он состоял при астраханском и терском митрополите Иосифе как «митрополичий сын боярский», был очевидцем взятия Астрахани в 1670 г. и убийства митрополита повстанцами. 11 июля 1672 г. З. участвовал в «розыске по делу об убийении» митрополита Иосифа и записывал показания очевидцев событий соборных священников Кирилла Елисеева и Петра Иванова (текст розыска издан в 1842 и 1962 гг.). Через 7 лет (в 1679 г., как указывают некоторые списки Золотаревского летописца) по поручению воеводы П. М. Салтыкова он завершает на основании всех собранных им материалов подробную историю астраханских событий 1667—1671 гг.

Различаются Краткое и Пространное сказания о взятии Астрахани Разиным, принадлежащие перу З. Краткое сказание представляет собой запись расспросных речей по делу об убийении митрополита Иосифа; оно имеет две редакции. Первая редакция — это подлинная запись расспросных речей в двух вариантах: черновом (ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, № 87, л. 1—18) и беловом (Астраханский облгосархив, ф. Астраханской приказной избы, оп. 1, № 79, л. 1—14). Вторая редакция Краткого сказания носит следы литературной обработки XVIII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 263, л. 1—16). Пространное сказание, описывающее астраханские события с мая 1667 по ноябрь 1671 г., является собственно Золотаревским летописцем (в рукописи он называется «Астраханский летописец»). Согласно классификации Л. З. Мильготинной Золотаревский летописец, известный в 21 списке, представлен четырьмя редакциями (описание списков см. в работах М. Сменцовского и Л. З. Мильготинной). Имеется критическое издание только первой редакции — по трем спискам, старший из которых (ГИМ, Музейское собр., № 1481) датируется концом XVII в. Остальные редакции публиковались по случайным спискам, а вторая редакция не издана вообще.

З. описывает восстание Разина с правительственной точки зрения, называя повстанцев «ворами», «изменниками» и «богоотступниками», а митрополита и бояр — «новыми страстотерпцами». Тем не менее Золотаревский летописец является ценным историческим источником, содер-

жащим сведения очевидцев и включающим целый ряд документов — царских грамот, писем, «дел».

Этот поздний летописец представляет собой сочетание летописных погодных статей, включающих памятники деловой письменности, и агнографических приемов изложения с включением в текст «видений», «знамений» и проч. Художественную выразительность и сюжетную остроту Золотарева летописца высоко оценил А. Ф. Писемский, переложивший содержание древнерусского памятника в своем путевом очерке об Астрахани 1857 г. (П и с е м с к и й А. Ф. Путевые очерки // Морской сборник. СПб., 1857. № 2. С. 244—253; то же: Собр. соч. М., 1982. Т. 2).

Соч.: АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 482—495; П о п о в А. Н. История возмущения Стеньки Разина // Рус. беседа. СПб., 1857. Т. 1 (кн. 5). С. 47—104; Т. 2 (кн. 6). С. 19—90 (отд. изд.: Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 241—261); С а х а р о в В. Н. Памятник местной старины, хранящийся в библиотеке Астраханской духовной семинарии: Рукопись Петра Золотарева // Астраханский сборник, изд. Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 145—166 (перепечатка текста и статьи из газ. «Волга» (1864, № 27, 28, 30, 34, 40) и «Астраханских Епархиальных ведомостей» (1878, № 1—3, 11, 13, 18)); П а л ь м о в Н. К. Материалы для жизнеописания святителя Иосифа убиенного, митрополита астраханского и терского // Труды КДА. 1912. № 12. С. 650—672 (отд. изд.: Киев, 1913); Расспросные речи астраханских соборных попов Г. Елисеева и П. Иванова об обстоятельствах казни астраханского митрополита Иосифа (№ 192) // Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1962. Т. 3. С. 213—220, 411; Летописное сказание Петра Золотарева. Первая редакция. Муз. 1481. — Увар. 547. — Акад. 313 (публ. Л. З. Мильготиной) // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. С. 7—9, 206—233.

Лит.: Евгений. Словарь. Т. 1. С. 231—232; Иконников. Опыт по исторнографии. 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1864; Сменцовский М. Степан Разин в науке, литературе, искусстве // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 199—200; Тихомиров Б. Источники по истории разинщины // ПИ. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 58—63 (Труды Моск. историко-архивного ин-та АН СССР; Т. 9); Лихачев Д. С. Исторические повести 1670—1680-х годов // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 270—271; Б уд о в н и ц. Словарь. С. 107, 293; Шмидт С. О. Сказание о взятии Астрахани в летописной традиции XVII—начала XVIII в. // Труды Моск. историко-архивного ин-та АН СССР. М., 1963. Т. 17: Вопросы источниковедения истории СССР. С. 397—398; М и л ь г о т и н а Л. З. О редакциях и списках Золотарева сказания // Летописи и хроники: Сб. ст. 1973 г. М., 1974. С. 317—327.

А. Г. Бобров, Н. Ф. Дробленкова, М. А. Салмина

Иаков (вторая половина XVII в.) — священник из Великого Устюга, автор Повести о Соломонии бесноватой (датирована М. О. Скрипиным 1671—1680 гг.). Согласно некоторым спискам Повести (ГБЛ, собр. Ундольского, № 645; ИРЛИ, собр. Перетца, № 224 и др.) И. являлся попом Спасо-Преображенского женского монастыря Великого Устюга. Другие биографические сведения об И. отсутствуют.

Как полагает А. Н. Власов, И. — последний редактор Иоанно-Прокопьевского цикла (*Житий Прокопия и Иоанна Устюжских*), в состав которого входит Повесть в качестве одного из чудес святых. Вслед за Н. Коноплевым А. Н. Власов атрибутирует И. и другие чудеса Прокопия и Иоанна, приуроченные к 50—70-м гг. XVII в.

В основе Повести лежат народно-мифологические представления, хорошо известные христианской литературе (см., например, *Житие Василия Нового*, персонаж которого, Феодора, упоминается в Повести), о сожительстве женщин с бесами. Повесть состоит из двух частей: описание мучений Соломонии от бесов и рассказ героини перед «освященным собором» о своем исцелении.

Характерные для Повести ригористические обрядовые тенденции (повесть соблюдения чистоты церковных обрядов, обращения к героине заповеди святых «креститься истово и разумно» и др.) позволили Ф. И. Буслаеву отметить в рассказе о «бесноватой» отражение идеологических споров периода церковного раскола. А. М. Ремизов причислял И. к сторонникам

«древлего благочестия», а М. О. Скрипиль считал автора Повести противником старообрядчества, изобразившим в образе бесов раскольников. Однако близость некоторых мотивов Повести идеологии официальных церковных кругов второй половины XVII в. все же не дает оснований для безоговорочного причисления Повести к произведениям, имеющим антистарообрядческую направленность. Объективно в Повести присутствуют лишь недовольство автора нарушением правил церковной обрядности и проповедь необходимости их соблюдения, носящие достаточно общий религиозно-дидактический характер.

История изучения Повести свидетельствует о возможности двоякого понимания ее художественной природы. Демонологические мотивы Повести трактовались и как вполне достоверное описание аксессуаров кликушества (А. В. Амфитеатров), и как литературный вымысел, иносказание (И. С. Некрасов, М. О. Скрипиль). Многие особенности Повести (упоминание ряда священников из Великого Устюга второй половины XVII в., отражение характерных для Великого Устюга исторических реалий и др.) позволяют видеть в истории о «бесноватой» изображение какого-то реального эпизода религиозной жизни Великого Устюга 60—70-х гг. XVII в. Вместе с тем роль автора Повести не может быть сведена, вопреки мнению А. В. Амфитеатрова, к простой фиксации болезненных видений кликуши. Признаки художественного творчества в Повести обнаруживаются в «рационалистическом подходе автора к композиции» (Н. С. Демкова), в очевидной ориентации И. как на традиционные агиографические жанры помертного чуда, богородичной легенды, видения, мартирия, так и на поэтику фольклорных жанров — прежде всего народного суеверного рассказа (быличку, бывальщину).

Повесть известна в двух основных редакциях: пространной, или «житийной» (представлена списками: ГПБ, Соловецкое собр., № 220/220, л. 130—183 об.; ГБЛ, собр. Егорова, № 1794, л. 129—182 об.; собр. Овчинникова, № 332, л. 185—235 об. и др.), и краткой (ГПБ, Q. XVII.27, л. 1—23 об.; БАН, 16.6.2, л. 162—195 об.; ИРЛИ, Пинежское собр., № 442 л. 375—396 и др.). Пространная редакция создана самим И. и включена в состав Жития Прокопия Устюжского в качестве одного из чудес Прокопия и Иоанна. Краткая редакция, утрачивающая связь с Житием, лишена религиозно-дидактических отступлений пространной редакции и ряда повторений однотипных сюжетных звеньев. В краткой редакции наблюдается, таким образом, развитие черт новеллистичности, роднящих Повесть с оригинальной и переводной беллетристикой переходного периода.

В XX в. Повесть была пересказана А. М. Ремизовым.

Соч.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 153—168; Житие преподобного Прокопия Устюжского / Изд. ОЛДП. СПб., 1893. Вып. 103. С. 143—195.

Лит.: Некрасов И. С. Женский литературный тип Древней Руси // Филол. зап. 1864. Вып. 3. С. 131—134; Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 11—12; Веселовский А. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Т. 1, отд. 1. С. 483—485; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. 4. С. 21—23, 101—102; Амфитеатров А. Соломония бесноватая // Амфитеатров А. И черти, и цветы. СПб., 1913. С. 1—59; Рязновский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 45—46, 71—73, 104, 113; Скрипиль М. О. Повесть о Соломонии // Старинная русская повесть: Ст. и исслед. М.; Л., 1941. С. 197—215; Ремизов А. М. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951. С. 7—9, 91—93; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 153—154; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 513, 519—524; Власов А. П. К вопросу о происхождении цикла сказаний о Проконии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 156—159.

Иван Иванов Плешков (вторая половина XVII в.) — предполагаемый автор повести о Нило-Сорском ските, писец рукописи ГИМ, собр. Щукина, № 212, 1674 г., где эта Повесть находится. Содержание книги разнородно. В первой ее части видное место занимают сочинения *Нила Сорского* (Предание, Устав, три послания и Завещание), статьи о жизни и правилах Нило-Сорской пустыни, а также типичные для келейного чтения монахов-созерцателей произведения Иллариона Великого, Григория Синаита и др. Вторая же часть рукописи целиком посвящена хозяйственной жизни Кирилло-Белозерского монастыря: здесь находятся «Книги кормовые Кириллова монастыря», где подробнейшим образом расписано, чем и когда надо кормить и поить иноков; здесь находится также «Книга келарская роскодная: поколко по службам дают запасу», где указано, сколько, кому, в каких случаях и какого следует выдавать и посылать продовольствия; здесь находятся и записи некоторых соборных монастырских решений, касающихся хозяйства. Что это именно оригинал, а не копия книги монастырского хозяйственника, показывает и внешний вид рукописи: она заключена не в доски с застешками, как это свойственно предназначенным для книжных полок манускриптам, а в мягкий кожаный переплет с клапаном, как у конверта, с опоясывающей кожаной же завязкой.

В конце рукописи писец назвал себя «грешным в человецех тотмянином дьячком Ивашкой Ивановым сыном Плешковым». Допущение, что он и является автором Повести о Нило-Сорском ските, единственный список которой находится в его рукописи, может объяснить многое в самой этой Повести: в ней говорится исключительно об организационной стороне жизни скита (нет даже намек на «духовно-портретные» зарисовки подвижников, какие бывают, например, в патериках) — о расстановке келий, о снабжении продовольствием, о лесе, ягодах, о том, где можно и где нельзя рубить деревья, о порядке приема новичков, ухода за больными, особенностях распорядка церковной службы, топке печей, о том, что в ските живет одно светское лицо, которое заботится об иноках. По-видимому, дьячок И. П. родом из Тотмы до того, как стать келарем Кирилло-Белозерского монастыря (каковым он был, судя по второй части книги), находился на службе у монахов Нило-Сорской пустыни.

Соч.: Прохоров Г. М. Повесть о Нило-Сорском ските // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. С. 12—20.

Г. М. Прохоров

Иван Слободской (вторая половина XVII—первая половина XVIII в.) — певчий и чтец вологодского архиепископа, затем унженский земский комиссар, автор краткого вологодского летописца и службы Галактиону Вологодскому. Биографические сведения о И. С. немногочисленны. Вологжанин родом, И. С. в 1696—1697 гг., будучи «во услужении» при вологодском и белозерском архиепископе Гаврииле, являлся очевидцем освидетельствования мощей Галактиона Вологодского (как сообщает в предисловии к службе этому святому). В январе 1701 г. написал от имени крестьянина И. Силуянова «запись» с обещанием содержать жену после ее пострижения в монастыре. В марте 1707 г. «справил» отписку о принятии «на Вологде» в Казенный приказ оброчных денег с Обнорской волости (см.: Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном древлехранилище. Вологда, 1899. Вып. 1. С. 39; 1901. Вып. 4. С. 63). В начале XVIII в. был послан в Монастырский приказ хлопотать «о келейных (вологодского «владыки». — Я. С.) и о иных зборных денгах» (см.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1897. Ч. 3. С. 128). Являясь земским комиссаром в г. Унже, И. С. «приложил» к гробу святого Макария золотой крест «с чернами» (до октября 1727) и передал органы игумену Макарьевского Унженского монастыря Алек-

сандру, настоятельство которого относится к октябрю 1727—середине января 1728 г. (см.: Х е р с о н с к и й И. К. Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Кострома, 1892. Вып. 2. С. 93, 94).

В 1716 г. И. С. составлен краткий летописец, сохранившийся в единственном списке третьей четверти XVIII в. (БАН, 45.4.13, л. 74—77 об.). Этот летописец, который автор адресовал будущим «рачителям» изучения вологодской старины, за исключением известий о смертях *Василия III*, *Ивана Грозного*, его сына *Федора*, *Михаила Федоровича* и *Алексея Михайловича* содержит сведения о прошлом Вологодского края. В первой статье летописца сообщается об основании выходцем из Глушицкого монастыря Герасимом Троицкой обители (1146—1147), в заключительной читаем о кончине в 1676 г. царя Алексея. Наиболее позднее событие из упомянутых в летописце — смерть бывшего вологодского архиепископа Симона на его «обещании» в Спасо-Прилуцком монастыре 29 апреля 1685 г. И. С. сообщает о сооружении и освящении храмов в Вологде и ее окрестностях, эпидемиях и налогах, поставлениях и кончинах местных архиепископов. Наиболее подробно он рассказывает про строительство в Вологде при Иване IV (об этом говорится в 5 из 27 статей летописца).

В предисловии к летописцу, из которого узнаем о времени возникновения памятника и его авторе, указаны источники: летописи, хронографы, «сенадишные записки» (по Н. А. Казаковой, синодики, но, скорее, это материалы церковного делопроизводства). В летописце использованы Сказание о Каменном монастыре *Паисия Ярославова* и дополнения к летописному своду 1497 г. Из последнего источника (вологодского происхождения) в сочинение И. С. попали известия о возведении в Вологде Софийского собора. По-видимому, его автор обращался к житиям «вологодских чудотворцев» и местным летописцам. Так, об основании Герасимом Троицкой пустыни у Кайсарова ручья И. С. мог узнать из Жития этого святого и «вологодских старинных летописцев» (см.: ГПБ, собр. СПб. ДА, № 270, т. 2, л. 346). В летописце И. С. отразились и народные предания об Иване Грозном, в частности его намерении уехать в «Поморские страны» (судя по сообщениям современников-иностранцев, речь шла об Англии).

Вероятно, в середине XVIII в. появился второй вид, а затем (на рубеже XVIII—XIX столетий, не ранее 1782 г.) новая редакция памятника. В них опущен ряд известий летописца И. С. и включены дополнительные свидетельства о прошлом Вологодского края (см.: Новая историческая летопись // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 6. Часть неофиц. С. 28—30; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 195—199). Летописец И. С. лег в основу и других краеведческих трудов второй половины XVIII—XIX вв.

В 1717 г. (по данным И. Верюжского, в Унже) по поручению вологодского епископа Павла И. С. написал службу Галактиону Вологодскому. Н. Коноплев, ссылаясь на список из библиотеки Спасо-Прилуцкого монастыря (№ 37/36, л. 282—301), атрибутировал И. С. житие этого святого. Однако, как выяснил В. О. Ключевский, оно создано во второй трети XVII в. (так считают и И. Верюжский, Филарет (Гумилевский), Леонид). Возможно, И. С. составлена новая редакция жития Галактиона Вологодского.

Из челобитной И. С. (1700) известно, что ему принадлежали «певчие нотные 8 книг», которые он дал «на список» в Вологде *Игнатию Римскому-Корсакову* (см.: О г л о б л и н Н. Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия. 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8—9. С. 288).

Соч.: ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 194—195.

Лит.: <Суворов Н. И.> Вологодский летописец. Вологда, 1874. С. 1, 2; <Верюжский И.> Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 624—625; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895. С. 106—108; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1441; Каза-

кова Н. А. 1) Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Волостде // ВИД. Л., 1978. Вып. 10. С. 202—204; 2) Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Там же. 1981. Вып. 12. С. 86—90; Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья // Там же. 1979. Вып. 11. С. 39, 40.

Я. Г. Солодкин

Иван Спиридонов Соболев Могилевец (первая половина XVII в.) — толмач, в 1630—1640-х гг. пересказал со слов приезжих греков историю о греческом иерее-вероотступнике. Устный рассказ И. С. сохранился в записи неизвестного современника (ГБЛ, собр. Большакова, № 320, XVII в., л. 20—26 об.). В этой записи названа дата — 1634 г. и приведены две ссылки на источник рассказа: «Слышах повесть сию от грек чрез толмача Ивана Спиридонова сына Соболева Магилевца. . .» и «Имя же им невозможно ми было уведать, слышах бо повесть сию от толмачев греческих, а писания о сем не ведах, но памяти ради краткостию написал, еже слышах. А сие дело учинилося во 142 (1634) году». Сюжет рассказа о раскаявшемся вероотступнике и жестоком его наказании достаточно типичен для средневековой литературы. Причина вероотступничества в данном повествовании — любовь к дочери турецкого паши священника-грека, ради которой он на целое десятилетие становится «басурманом» и сновником при папе.

При встрече бывшего иерея с юношей-христианином из церковного причта возникает перебранка с проклятиями, после которой причетник заболевает («начат . . . скорбети телом»). Не получив исцеления у врачей, юноша обращается к патриарху константинопольскому; тот советует больному получить «разрешение от проклятия» у «прельстившегося иерея». Удивленный неофит-басурманин потихоньку от всех в конюшне вместо храма выполняет необходимый обряд («молитву разрешения по греческому обычаю»). Юноша выздоравливает, благодарит патриарха, а своему исцелителю дарит коня. «Прельщенный иерей», пораженный силой своей молитвы, отступает от мусульманской веры несмотря на жестокую расправу: его сажают на кол, возят «по граду и по торжищу», а через три дня полумертвого бросают в море. Греки подбирают его тело и погребают «не в коем месте честно». Этот рассказ известен в единственном списке, в котором ощущается некоторая зависимость от греческой лексики и топонимии: священник именуется только иереем, Царьград — Константинополем.

И. С. был сыном Спиридона Соболя, печатника в Киеве, Могилеве, Буйничах в 1630-х гг. Его брат Евтихий Соболев в 1632 г. был студентом Киевской лаврской гимназии, участвовавшим в декламации перед киевским митрополитом Петром Могилой* панегирика «Евхаристириона» (см.: Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 1 (1574—1700). Львів, 1981. С. 53, № 228). В работе К. Г. Гуслистого (Вопросы истории Украины и этническое развитие украинского народа (период феодализма). Киев, 1963. С. 76) сообщено, что «в 1647 г. киевский писатель Иван Спиридонович Соболев перевел в Москве для Посольского приказа латинскую книгу „Индийское царство“. А. И. Соболевский (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. М., 1903. С. 44) приписывал перевод этой книги греку Венедикту.

Соч.: Перетц В. Н. Рассказ о потурчившемся в раскаявшемся иерее // Библиографическая летопись. Пг., 1917. Т. 3. С. 161—167 (изд. ОЛДП).

Лит.: Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. 285—286.

О. А. Белоброва

Иван Философ (первая четверть XVIII в.) — старообрядец, автор «грамотки» о способе каждения за богослужением (1711). Вопрос о спо-

собе каждения был актуален для внутренней борьбы в старообрядчестве в первой половине XVIII в. Представители толка дьяконовцев отстаивали способ каждения, с которым боролись ветковские старообрядцы. Судя по тому, что ветковский старец Сергей обращался к И. Ф. с просьбой разрешить сомнения по поводу правильного способа каждения (ответом на этот вопрос и была «грамотка»), И. Ф. был авторитетным лицом в старообрядчестве. В пользу авторитетности его фигуры свидетельствует и то, что в полемике между собой и дьяконовцы, и ветковцы (как явствует из «Предувещания», памятника, направленного ветковцами против дьяконовцев) одинаково пытались опереться на его мнение. В ответе Сергию И. Ф. поддерживал дьяконовский способ каждения, но ветковцы в «Предувещании» пытались объяснить, что его слова следует толковать в пользу их способа. Сочинение не опубликовано. Оно дошло в рукописи ГПБ АН УССР, собр. Киевской духовной академии, № 273 (0.8.44) («Книжица о каженнии»), л. 8—8 об.

Лит.: Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 190—191; 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 273.

Н. В. Поньрко

Игнатий (ум. 4 III 1687) — черный дьякон Соловецкого монастыря, писатель и идеолог старообрядческого движения. И. впервые упоминается в источниках начиная с 1666 г., когда он принял активное участие в спорах об исправлении богослужебных книг и обрядов и идеологической борьбе, развернувшейся в стенах Соловецкого монастыря накануне Соловецкого восстания 1667—1676 гг. Уже в это время И. выступил проповедником особого учения о «правильном» написании титла на кресте Христовом «ИХЦС» («Исус Христос Царь Славы») вместо еретического и глумливого — по его мнению — написания «ИНЦИ» («Иисус Назарянин Царь Иудейский»). Учение это нашло последователей среди соловецких монахов и было вкратце изложено И. в его челобитной, адресованной царю *Алексею Михайловичу* (изд. П. С. Смирновым).

В конце 1666 или в начале следующего 1667 г., накануне «запора» подвергнувшегося осаде царскими войсками мятежного Соловецкого монастыря, И., следуя пророчеству местного юродивого Гурия, с группой монахов покинул монастырь. С этого момента главным его занятием становится пропаганда идей старообрядчества и собственного учения о титле на кресте. Хорошо знавший И. инок *Евфросин*, примирившийся впоследствии с церковью, писал о нем в 1691 г.: «Книгам был читатель, и охочь, и досуж, а мудрованейше иное имел, и бог знает какое: титлу на кресте не принимал и велику книгу на то собрал» (Е в ф р о с и н. Огразительное писание. . . С. 25—26). Инок Евфросин рассказывает типичный случай, происшедший с И., который некогда в Пошехонье «к дворянину Федору . . . на двор взшел и на крыльце увидел распятие с титлоу [еретическою. — Н. Б.]. Верняся назад и не поклоняся кресту, пошел и „недостойть, — рекл, — с сими человеки молитиси и ясти“» (Там же. С. 26). Около двадцати лет И. спасался от преследований, ведя жизнь странствующего проповедника, укрываясь сначала в Спасском монастыре возле Каргополя, затем в Курженской обители и других местах. В эти годы он встречался и вел переписку с игуменом Досифеем, иноком Корнилием и другими руководителями старообрядческого движения, являясь фактическим главой старообрядцев в Поморье.

Самым крупным догматическим сочинением И. является, по-видимому, «Книга о титле на кресте», которая, по свидетельству инок Евфросина, «широко обносилась во христианех». Книга эта дошла до нас, вероятнее всего, лишь в отрывках, как, например, в рукописи ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19, где она имеет заголовок «О титле». Небольшой фрагмент из нее издан П. С. Смирновым.

Наряду с учением о титуле на кресте дьякон И. был проповедником широко распространенного в эти годы старообрядческого учения о последнем времени и пришествии антихриста применительно к переживаемому страной острому периоду церковной реформы. Жестокое преследование сторонников «старой веры» духовными и светскими властями привело И. к убеждению, что с 1666 г. «на Москве царствует Титин», т. е. преисподний бес, и единственным спасением от его пут является самоожжение. Начавшись в Поволжье еще в начале 70-х гг. как реакция на преследования старообрядцев, коллективные самоожжения вскоре перекинулись в Поморье. Активно участвуя в пропаганде среди местных крестьян этой крайней формы социально-религиозного протеста, И. стал организатором самого крупного самоожжения, происшедшего 4 марта 1687 г. в Палеостровском монастыре, специально захваченном старообрядцами для этой цели. Палеостровский монастырь был избран старообрядцами не случайно. Именно здесь, согласно распространенной легенде, был убит и сожжен по приказанию патриарха Никона первый мученик за «старую веру» епископ Павел Коломенский. В организованной И. гари, забравшей 2700 жертв, погиб и он сам, заслужив в среде своих последователей славу мученика палеостровского.

Из литературного наследия, относящегося к последним годам жизни И., наибольший интерес представляет челобитная — плач о погубленном монастыре, обращенная к царю *Феодору Алексеевичу* от имени «последнего оставца соловецкого» (1676). В челобитной образно, с приведением малоизвестных подробностей описано взятие Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым и последовавшие за этим казни его защитников (изд. Н. Ю. Бубновым). Последним по времени написания сочинением И. является его «Исповедание» (1682), представляющее собой своеобразную «прокламацию социального отчаяния низов России . . . решившихся в своей оппозиции к феодальному государству на крайнюю меру — на самоожжение» (Демкова. «Исповедание». . . С. 318—324).

Старообрядческие писатели XVIII в. (*Семен Денисов* и др.) знали и широко использовали в своих сочинениях рукописное наследие И.

Соч.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. XXXI; Приложение. С. 016—018, 045—047; Бубнов Н. Ю. Незвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу / Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 92—114; Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы: IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1776 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 318—324.

Лит.: Евфросин. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей / Сообщ. Х. Лопарева; СПб., 1895. С. 25—28 (изд. О.ДП); Дружинин. Писания старообрядцев. С. 175—176; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970.

Н. Ю. Бубнов

Игнатий (вторая половина XVII в.) — переводчик, скрывший свое имя в тайнописи типа описательной цифровой системы в тексте перевода «Годовых деяний, церковных . . . Цесаря Барония», выполненного с краковского издания XVII в.: «Преведена сия книга с польскаго языка на словенский со друкованныя книги в Кракове, по благословению преосвященнейшаго Иосифа митрополита рязанского и муромского в лето. . . 7187-го . . . 1678-го года. Переводившаго сию книгу имя его седмеролитерно, троесложно, в нем же убо четыре гласных и три согласных, пачало и приемлет от перваго гласнаго, число же его суть 8» (ГПБ, Ф. 1.273, конец XVII—начало XVIII в., л. 764—764 об.). Из записи явствует, что заказчиком перевода был Иосиф, митрополит рязанский и муромский, который в 1677 г. принимал участие в «досмотре» мощей Анны Кашинской и в обсуждении «подлинности» *Жития Анны Кашинской*.

Лит.: К а л а й д о в и ч К., С т р о е в П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке . . . Ф. А. Толстова. М., 1825. С. 147; С о б о л е в с к и й А. И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 113; С п е р а н с к и й М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. С. 121.

О. А. Белоброва

Игнатий Трофимов (1674—1761) — старообрядец-федосеевец, известный своим участием в спорах с представителями поморского старообрядческого согласия из-за надписи на кресте Христовом и полемикой с поповцами Керженца, автор послания и сочинения о поклонах и каждении. В 1715 г. И. Т. жил в селе Лыбовке Псковского уезда — федосеевском центре, основанном *Феодосием Васильевым*. По-видимому, это было его постоянное местопребывание, так как в 1726 г. он, судя по упоминанию в источниках, находился в том же селе. Когда возникла полемика федосеевцев со старообрядцами-поповцами по поводу священства в старообрядчестве и в Лыбовке появился поповский проповедник Матвей Андреев, то главным его оппонентом со стороны федосеевцев стал И. Т. В трех известных «беседах» (1722 и 1733 гг.) Матвея Андреева он фигурирует как основное лицо, с кем ведется спор. В 1733 г., опровергая антипоповщинское учение федосеевцев, Матвей Андреев написал специальное послание И. Т., в котором среди прочего говорилось, что последний ездил «по градам и всем странам, уча людей. Поморское сочинение «О начале раздора федосеевых с выгорецким общежитием и о причине того, чего ради оный бысть» (опубликовано: П о п о в Н. Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве // ЧОИДР. 1869. Кн. 2: Смесь. С. 100—106), описывая споры о надписи на иконе распятия, определяет его как федосеевского «учителя». В ходе этих споров И. Т. дважды побывал на Выгу: в 1719 г. и в 1736 г. В 1744 г. И. Т., находясь в Москве, участвовал в полемике на ту же тему с московскими поморцами и бывшими там выговцами, в частности *Даниилом Матвеевым*. Сохранилось послание И. Т. на Выг, писанное в 1745 г. (БАН, собр. Дружинина, № 127 (стар. № 160), л. 300—301 об.; см. также: П е т р о в Н. Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1875. С. 274), где он, доказывая правоту начертания на иконе распятия Христова букв ІНЦІ, утверждал, что неприятие такого начертания пошло среди поморцев от их «отца» *Игнатия Палеостровского*. Ответ на это послание был написан Даниилом Матвеевым. Кроме того, дошло еще одно сочинение И. Т. — о поклонах и каждении, оно сохранилось в списке ГПБ, О.1.358, л. 1 об.—4 об. Сочинения И. Т. не изданы.

Лит.: Д р у ж и н и н В. Г. 1) «Священноперей» Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908. С. 1—2; 2) Писания старообрядцев. С. 202, 257.

Н. В. Понырко

Иевлев Алексей Иванович (XVII в.) — дьяк, автор статейного списка. Совместно со стольником Никифором Толочановым И. в 1650—1652 гг. участвовал в Посольстве к имеретинскому царю Александру III. Составил литературную обработку статейного списка посольства. По определению М. А. Полиевктова, это редакция С, дошедшая в ряде списков и опубликованная по списку ГИМ, Синодальное собр., № 541 Н. И. Новиковым в ДРВ и М. А. Полиевктовым. Остальные списки (XVII в. — ГИМ, Чудовское собр., № 363 и БАН, Тек. пост., № 92; XVIII в. — БАН, 16.2.9; ЛОИИ, ф. 36, кол. Воронцовых, оп. 1, № 181; собр. Шодуара (местонахождение неизвестно); начало XIX в. — ГПБ, Q.IV.32) при публикации текста не учитывались.

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 5. С. 135—252; Полиевктон М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. Тифлис, 1926. С. 114—192; Статьиный список посольства в Имеретию в 1650—1652 г., составленный Але-

ксером Изветным / Рус. текст с груз. пер., обзорные рукописей подгот. к изд. И. З. Цинцадзе. Тбилизи, 1969 (текст на рус. и груз. яз.).

Лит.: Полюевков М. А. К вопросу об авторе «статейного списка С» по соловья Толочанова и Ивлева // Сообщения Груз. филиала АН СССР. 1940. Т. 1, № 1. С. 81—85; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 215; Белоброва О. А. О ленинградских списках древнерусских хождачей в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 171—173

О. А. Белоброва

Иерофей Андреев (начало XVIII в.) — старообрядец-попoveц, автор сочинения в защиту спорных писаний протопопа *Аввакума*. В старообрядческой рукописи, где излагаются перипетии споров из-за догматических рассуждений протопопа Аввакума, И. А. назван бельцом. «Денежного двора купчиной» назвал И. А. старообрядческий поп Яков Семенов, когда давал в 1719 г. показания в Приказе церковных дел о совершившихся им грехах в среде московских старообрядцев. И. Т. Посошков в написанном около 1710 г. «Зеркале очевидном», перечисляя старообрядческих «лжеучителей» на Москве, дважды упомянул И. А. как «винововозникнувшего», сообщив при этом, что имел с ним прения.

Сохранившиеся документы о И. А. касаются событий 1706—1710 гг. и характеризуют его как яростного защитника догматических рассуждений Аввакума. Известно, что споры о спорных письмах Аввакума возникли в старообрядчестве в два последних десятилетия XVII в. Часть старообрядцев во главе со старцем Онуфрием признавала рассуждения Аввакума, касавшиеся учения о Троице, о воплощении Иисуса Христа, о сошествии его в ад (те, прогив кого выступал в свое время диакон *Феодор*), за догматически непогрешимые и даже воздавала им почести, часть же хулила эти сочинения как еретические и добивалась того же от онуфриевцев. В XVII в. споры из-за Аввакумовых писем происходили на Керженце, где находился скит старца Онуфрия. Около 1706 г. они вспыхнули с новой силой в самой Москве. Здесь в это время И. А. учил: «... светлея солнца писма Аввакумовы и вси добры». И. А. выступил с поддержкой Аввакумова рассуждения о Троице, соглашаясь с выражением Аввакума и повторяя, что «три цари небесныя особно сидят», он высказывался также о том, что четвероконечный крест есть только ветхозаветная «сень». «Аще крест Христов се называешь, — писал он о четвероконечном кресте, — то я блядью римскою без сомнения называю. . . Хотя и было древле на церквах сим образом, и то было неведением: дураков-то и тогда немало было», — эти положения И. А. проповедовал «в домах и на торгу, и паче привлачая к себе торговых людей и иных». Распространял он свою проповедь не только устным путем, но и письменным: «... своею рукою писал те речи». Противники И. А. собрали воедино его писания и устные выступления, и полученные из них тезисы из 25 «статей» были предъявлены ему на соборе, созванном в Москве 19 января 1706 г. специально для этого случая. Соборные прения кончились безрезультатно; и противники И. А., и его сторонники «разыдошася вси каждо восвоеси». Второе собрание состоялось 21 мая 1706 г. На нем противники онуфриевцев требовали, чтобы были «отложены» «спорныя нецерковныя писма Аввакумовы и Иерофеевы». Сторонники же И. А. говорили, что не подобает этого делать, «страдалец бо велик писал те писма». Дело кончилось тем, что И. А. написал своею рукою «письмо мировое», в котором соглашался «отложить» Аввакумовы писма, но все же «хулы на них никаковы не положил», вопреки требованию своих оппонентов. После этого собора И. А. специально ходил советоваться к своему единомышленнику старцу Онуфрию на Керженец. Подробности об этом совещании неизвестны. Известно только, что в промежутке между 1706 и 1708 г. Онуфрий читал по многим скитам на Керженце «писма» самого И. А. (в чем впоследствии каялся). Во время прений 1708 г. в Онуфриевом ските, когда против И. А. и Онуфрия выступил *Тимофей Лысенин*, в скором будущем основоположник толка дьяконовщины, Онуф-

рий, от которого добивались осуждения И. А., так аттестовал своего единомышленника: «Аз Иерофея знаю, он добрый человек и мудрой, от юности своея пошел за Писанием».

Весь 1708 г. на Керженце при активном руководстве Тимофея Лысенина происходили сходы старообрядцев, на которых читали «письма» Аввакума и И. А. и обличали их. Некто Иван Ильин на одной из таких сходов разорвал писания И. А. Многолетние споры с Онуфрием кончились победой его противников: Онуфрий не только отверг письма Аввакума как неприемлемые, но и проклял их как еретические. Как поступил И. А., неизвестно. О дальнейшей его судьбе сведений нет.

Сочинения И. А. в своем оригинальном виде не сохранились. В рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1256, стб. 1338—1341 дошли только те 25 «статей», названные здесь «Исповеданием Иерофеевым» («Сие исповедание Иерофеево, еже он таковая 25 глав, истину со лежу и ложь со истинною вкупе поставляя, прочитал. . .»), которые, как явствует из дальнейших пояснений этой рукописи, были собраны воедино из писаний и устных выступлений И. А. его противниками. «Главы» эти имеют конспективный, или тезисный, характер. Вообще, данная рукопись, содержащая в стб. 1265—1677 обширный рассказ о расприх в старообрядчестве из-за догматических рассуждений протопопа Аввакума, является единственным источником сведений как о И. А., так и о его сочинении. Но сведения эти изложены с точки зрения противников его учения и потому односторонни. «Исповедание Иерофеево» опубликовано по рукописи Погодинского собрания.

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1887. Т. 8. С. 247—249.

Лит.: Е с и п о в Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 233; Зеркало очевидное И. Т. Посошкова / Изд. А. Царевского. Казань, 1898. Вып. 1. С. 110, 242; С м и р н о в П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 216—237; 2) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 100—102; 3) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 262—263, 311—329, 0126.

Н. В. Поньрко

Иларион (ум. 4 VI 1673) — митрополит Рязанский и Муромский, автор грамоты, приветственного слова и духовного завещания. И. был священником в селе Лысково под Нижним Новгородом (см. свидетельства протопопа Аввакума и дьякона Федора), овдовев, принял пострижение в монастыре Макария Желтоводского, до 1656 г. был архимандритом этого монастыря (см.: Д о б р о т в о р с к и й. Описание. . . С. 81). В 1656—1657 гг. И. игуменствовал в нижегородском Печерском монастыре, а в 1657 г. поставлен в архиепископы рязанские патриархом Никоном. В 1667 г. (по другим сведениям — в 1669 г.) И. наречен митрополитом Рязанским и Муромским. И. известен как один из главных поборников церковной реформы патриарха Никона. Современники считали его вместе с митрополитом Павлом Крутицким столпами Собора 1666—1667 гг. против старообрядцев. В сочинениях вождей старообрядчества — протопопа Аввакума, дьякона Федора, инок *Авраамия* — имя И. как лютого их врага встречается часто. Нижегородское село Лысково, где И. священничествовал в свое время, свело его с теми, против кого ему пришлось подвизаться в Москве. Протопоп Аввакум вспоминал о своей «древней любви» с И. и, обращаясь к нему в «Книге бесед», писал: «Иларион, мой друг, архиепископ рязанский . . . на Павла митрополита что глядишь, тот не живал духовно. . . А ты, милая голова, нарочит бывал, и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением-тем в тебя бросали на Лыскове-том у мужика-тово, как я к тебе приезжал. . .». Очевидно, лысковские знакомства (а с этим селом были кроме Аввакума связаны еще *Иван Неронов*, Павел Коломенский и Никон) ввели И. в круг ревнителей благочестия, на нижегородское происхождение большинства членов которого первым обратил внимание еще Н. Ф. Каптерев.

Будучи одним из самых деятельных участников собора 1666—1667 гг., И. на этом же соборе (вместе с Павлом Крутицким) отказался подписать приговор о низложении патриарха Никона по причине несогласия с формулировкой этого документа о превосходстве царской власти над патриаршей. И. и Павел Крутицкий требовали исправления этого места в приговоре. В скором времени, правда, обоим архиереям пришлось просить прощения у собора и царя за выказанную смелость и поставить свою подпись под актом о никоновом низложении, но в результате их выступления формулировка в приговоре была изменена в том смысле, что царь имеет преимущества в делах политических, а патриарх — в церковных.

«Ради тщания, трудов и потов», которые И. положил на соборе против старообрядцев, он (а вместе с ним все его преемники по рязанской кафедре) был удостоен права служить в саккосе и носить белый клобук, о чем свидетельствует грамота 1667 г. за подписью вселенских патриархов Паисия Александрийского, Макария Антиохийского и *Иоасафа II* Московского и всея Руси. Стало быть, инцидент с отказом подписать акт о Никоне не имел для И. серьезных последствий.

Об И. известно, что, будучи уже архиепископом, он учился греческому языку у прибывшего в Москву грека, архимандрита *Дионисия*, деятельнейшего участника собора 1666—1667 гг. (об этом греке среди старообрядцев ходила дурная слава). Приверженность И. к новой образованности проглядывает за его словами, сказанными во время допроса старцу Авраамии: «А вы, брате Авраамей, конечно за неведение погибаете. Не учая риторства, ни философства, ниже граматического здраваго разума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего». Надо полагать, что с приверженностью к образованности связаны и близкие отношения И. с *Симеоном Полоцким*. После отъезда И. в Рязань отношения его с Симеоном Полоцким поддерживались путем переписки и отличались такой близостью, что Симеон позволял себе оказывать покровительство лицам, искавшим благосклонного внимания рязанского митрополита.

28 мая 1673 г. после повторных просьб к царю и патриарху И. был отпущен с митрополичьей кафедры на покой в Макариев Желтоводский монастырь. Для почетных проводов царь предоставил ему военный конвой. На пути И. скончался. Он погребен в рязанском соборе архангела Михаила.

Кроме короткой грамоты 1664 г. о том, можно ли священносхимонаха поставить архиереем (в связи с делом патриарха Никона), писанной в ответ на запрос царя, от И. дошли приветственное слово, сказанное при встрече на пути под Москвой прибывших на Русь восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, и духовное завещание. Приветственное слово написано пышным украшенным стилем Симеона Полоцкого. Духовное завещание, составленное в привычных традициях этого жанра, несколько отличается от завещаний большинства духовных русских церковных иерархов короткой концовкой, представляющей собой как бы пастырскую проповедь на тему: «Братия мои возлюбленные, помните выну последняя (т. е. кончину) и веки не согрешите».

Соч.: Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820. С. 136—140 (духовное завещание); Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 153—155 (приветственное слово); Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 120 (грамота).

Лит.: Добротворский С. Описание нижегородского Печерского первоклассного мужского монастыря: Отд. оттиск на «Нижегородских губернских ведомостях». 1849. № 28—43. С. 81—82; Материалы для истории раскола. . . М., 1881. Т. 6. С. 195, 200—201; 1885. Т. 7. С. 391—394; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 754—760; Татарский И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 101—102; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 7—27, 88—93, 227—250, 369—372; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных

обрядов: Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 119; Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Стб. 336, 751 (РИБ. Т. 39); Понырко Н. В. Жизнь протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—387.

Н. В. Понырко

Илья Федоров (XVII в.) — арзамасский дьякон, составитель и писец рукописного сборника «о разных составех» (1669). статьи которого посвящены книгописному делу и содержат указы-рецепты для приготовления чернил, киновари, красок, перьев, бумаги и, в частности, «Учение заставничного письма» — своеобразный трактат об украшении рукописи заставками. Из текста «Учения» следует, что в распоряжении мастера должны были находиться инструменты, обычные как для древнерусского писца («правило» (линейка), лоцильный зуб, «железо» для чистки бумаги от клея, краски), так и для орнаменталиста-золотописца («кружало» (циркуль), кисть, раковина, графья или свайка). Ряд терминов в «Учении» обычен для древнерусской иконописи: белила, левкас, золото, вохра, бакан, синь, лазорь, сурик, комедь и др. Сообщаются рекомендации для композиционного размещения «заставицы» и особо «великой заставицы» на листе бумаги: с помощью кружала и с разметкой «накрест и вдоль и поперек»; указываются допустимые сочетания красок для рамок («окольного узора», «опушки»), для растительного орнамента («корень и ветвь и стебель и круги») рекомендуется пробелка как стилистический прием, сообщены некоторые технические правила для прочности письма заставок.

Соч.: Симони П. К. Старинный трактат о письме заставок // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 81—86.

Лит.: Белоброва О. А. Из истории нижегородской художественной культуры XVII века // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 1989. С. 145—158.

О. А. Белоброва

Иннокентий Гизель (ок. 1600—18 XI 1683) — архимандрит Киево-Печерской лавры, духовный писатель и историк. Родился в Пруссии в реформатской семье, юношей принял православие. В 1642 г. после окончания Киево-Могилянского коллегиума уехал учиться за границу, а в 1648—1650 гг. был ректором этого коллегиума, где читал курс философии. В 1654 г. И. Г. приезжал в Москву обсуждать вопрос о правах малороссийского духовенства. С 1656 г. и до конца жизни был архимандритом Киево-Печерской лавры. Печерский архимандрит являлся активным сторонником воссоединения Украины с Россией. В день похорон над могилой И. Г. произнес речь *Димитрий Ростовский*.

Перу И. Г. принадлежат несколько богословских полемических произведений: «Мир с богом человеку, или Покаяние святое, примиряющее богу человека. . .» и «Об истинной вере», или «Ответ иезуиту Бойме о власти папы» (последнее на польском языке). «Мир с богом человеку» является наиболее значительным произведением в литературном наследии И. Г. (оно дважды издавалось при его жизни). В этом трактате, посвященном вопросам морали, автор подробно систематизирует и анализирует грехи людей всех социальных слоев (от князя до писца и воина) и возрастов. В. Н. Перетц, тщательно изучив это произведение, назвал его «кодексом морали мещанства». Другие исследователи считают, что в этой работе нашли отражение идеи раннего гуманизма. Сохранились письма И. Г. Он, например, находился в личной переписке с царем *Алексеем Михайловичем*. И. Г. принимал участие в издании *Патерики Киево-Печерского*, вышедшего в 1661 г., и других изданий Киево-Печерской лавры. Для русской истории и литературы наиболее значительным является участие И. Г. в составлении «Синописа» — первого печатного отечественного исторического произведения (в издании 1680 г. сочинение озаглавлено: «Синопис, или Краткое собрание от различных летописцев, о начале славянорусского народа, и первоначальных князих богоспасаемого града Киева. . .

до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексеевича. . .»). Степень участия И. Г. в работе над текстом «Синописиса» является спорным вопросом в отечественной историографии: долгое время Печерского архимандрита считали автором этого произведения (С. М. Соловьев и др.), потом появились работы, полностью отрицающие его авторство (А. С. Лаппо-Данилевский и др.); наиболее распространённой является точка зрения об активной составительской и редакторской работе И. Г. над текстом этого произведения (И. П. Еремин, С. Л. Пештич). Спорность вопроса о степени участия И. Г. в работе над «Синописисом» основана прежде всего на слабой изученности истории его текста, например считается, что первое издание появилось в 1674 г., но существуют указания на издания 1670 и 1672 гг.; недостаточно полно изучен вопрос о дополнениях, которые делались почти в каждом издании XVII в. Издание 1680 г., представленное тремя разновидностями, легло в основу почти всех последующих перепечаток, оно по сравнению с первым изданием расширено почти вдвое (в него в числе других дополнений было включено популярное древнерусское произведение *Сказание о Мамаевом побоище*). Основными источниками «Синописиса» были *«Хроника» Мацея Стрыйковского*, Густынская летопись и другие летописи. В тексте «Синописиса» много различного рода поздних «баснословий», особенно в ранней истории славян: само название «славяне» производится здесь от слова «слава», Александр Македонский, по мнению автора, не только знал о славянах, но и оказывал им помощь. Все внимание составителя обращено к событиям Киевской Руси, об истории Северной России говорится мало и неполно. Популярность «Синописиса» была огромной: в течение XVII—XIX вв. он выдержал около 30 изданий (перечень их дан в кн.: Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1962. С. 5—6). Более ста лет он служил учебной книгой по истории России, пока на смену ему не пришел «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова. Уже в XVII в. «Синописис» был переведен на греческий и латинский языки. Секрет успеха «Синописиса» заключался в том, что текст его был проникнут идеей исторической необходимости воссоединения Малой России с Великой (И. П. Еремин). Профессиональные историки по-разному оценивали значение «Синописиса» как исторического произведения: одни считали его чтением для мещан (Н. И. Новиков), другие — «первым младенческим несвязным лепетом русской историографии у нас на севере и юге» (С. М. Соловьев), третьи — произведением, способствовавшим превращению исторических знаний в науку (С. Л. Пештич). Влияние «Синописиса» на русскую литературу бесспорно: почти все русские поэты и писатели XVIII в. черпали из него историческую канву своих произведений.

Соч.: Мир с богом человеку. Киев: тип. Лавры, 1669; 1671; Синописис. Киев: тип. Лавры, 1674; Письма Иннокентия Гизеля // Труды Киевской духовной академии. 1865. № 7. С. 354—364; «Лист» печерского архимандрита Иннокентия Гизеля на сбор милостыни для выкупа у татар пленников // Киевская старина. 1895. Т. 48. Февраль (документы, известия, заметки). С. 53—54.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель: (К истории южнорусской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. Октябрь. С. 183—226; РБС: Ибан—Ключарев. СПб., 1897. С. 116; М а с л о в С. И. К истории изданий киевского «Синописиса» // Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сб. ст. в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 341—346; Е р е м и н И. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины 17 в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 212—222; П е ш т и ч С. Л. «Синописис» как историческое произведение // Там же. 1958. Т. 15. С. 284—298. Українські письменники. С. 288—290; П е р е т ц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 183—205; История философии в СССР. М., 1968. Т. 1. С. 393—395; М о н с е в а Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 9, 42, 144, 182—184, 219.

В. К. Зиборов

Иоаким (в миру Иван Савелов) (6 I 1621—17 III 1690) — патриарх всея Руси, автор поучений, полемических произведений и посланий.

Происходил из дворян, ведших свою родословную из Великого Новгорода, где их предок был посадником. Находясь на военной службе в «киевских странах» и узнав о смерти жены и детей, в 1652 г. постригся в монахи в киевском Межигорском монастыре. Покинув Украину в 1657 г., И. сначала по приглашению патриарха *Никона* поступил иноком в Валдайский Иверский монастырь, а потом, в 1664 г., стал архимандритом Московского Чудова монастыря, откуда поставлен в 1672 г. митрополитом Новгородским. С 1672 г. и до конца жизни возглавлял русскую церковь, принимал самое активное участие в политической и общественной жизни, во многом ее определяя. Похоронен в Успенском соборе. Существовал прижизненный портрет И., который находился в доме князя *В. В. Голицына* («персона, писана по холстам»).

Человек волевой, целеустремленный, в чем-то жестокий, патриарх И. был ярким традиционалистом, активным борцом с западным влиянием как в политике, так и в культуре, стремившимся противопоставить польско-латинскому влиянию ориентацию на греческую церковь. В быту его непримиримость доходила до фанатизма: И. отказывался обедать за одним столом с иностранцами, запрещал обращаться к немецким врачам, громил «еллинский, блуднический, гнусный обычай» брить бороду. Он боролся и со старообрядцами, но, по мнению последних (диакон *Федор Иванов*), действовал не по собственному убеждению, что подтверждается его ответом на вопрос царя *Алексея Михайловича* о вере: «Аз-де, государь, не знаю ни старья веры, ни новья, но что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем». Петр I в борьбе за престол в лице патриарха нашел активного союзника. На последнем возглавляемом им соборе в 1690 г. И. добился безусловного осуждения латинствующих: был наложен запрет на произведения известных деятелей украинской церкви — Петра Могилы, *Симеона Полоцкого*, Лазаря Барановича и др. По мнению некоторых исследователей, после смерти И. обсуждался вопрос о его канонизации.

Среди современников было распространено мнение, будто патриарх, только став монахом, обучился грамоте. Это служило поводом для пренебрежительных отзывов со стороны врагов И. («патриарх Иоаким мало и грамоте умеет»), а современные исследователи на том же основании высказывали предположение, что авторами произведений, подписанных И., были *Евфимий Чудовский* и *Карион Истомин* (Р. К. Агаркова, Л. И. Сазонова). Однако в Житии патриарха, составленном после его смерти *Игнатием Римским-Корсаковым* — близким к И. человеком, утверждается, что в детстве, «егда приспе время, вдаша его (патриарха. — В. З.) в научение грамоте, и божиею благодатью, изучися писанию книжнаго чтения».

Все произведения И. появлялись как отклики на актуальные события политической и церковной жизни. Многие из его работ печатались в Московской типографии. К 1682 г. относится публикация двух наиболее известных произведений И., направленных против раскольников. В «Слове на Никиту Пустосвята», появившемся в связи с восстанием 1682 г., И. отстаивает право официальной церкви самой решать вопросы о вере: «. . мнози неразумливые человецы всякаго чина — священники, монахи, и прости, по монастырям и пустыням, во градах, во домах прелстишася, мнящесе быти во Святом писании разумни». Слово было издано в окружении разных текстов, поэтому различают пространный и краткий варианты издания (нач.: «Понеже вседержавный всех сущих тварей владыка Иисус Христос. . »). Краткий вариант отличается от пространного следующим: в первом помимо работы И. была помещена челобитная к нему *Никиты* 1681 г., а во втором к этим произведениям добавлены покаянное послание Никиты собору 1667 г., разрешительная грамота собора Никите и челобитная Никиты вселенским патриархам и собору. Тогда же было опубликовано одно из главных антираскольнических произведений XVII в. — «Увет духовный» *Афанасия Холмогорского*, который долгое время приписывался И., так как в состав «Увета» вошло его «Возглашение увещательное

всему российскому народу» (нач.: «Всем людем Божиим православным христианам во всем российском государстве всякаго чина и возраста. . .»). Название другой известной антираскольнической книги того же Афанасия «Щит веры» было дано ей И. («ей же титулу блаженнейший и всесвятый Иоаким патриарх положи, нарече „Щит веры“»), причём это название объяснялось следующим образом: «Сим щитом, читатели православнии, от блядословцев защищайтесь». На следующий год после подавления восстания 1682 г. И. опубликовал «Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников», где описывается ход событий, когда восставшие «во град Кремль итти устремилися и по палатам царским с свирепством и великим шумом приити не убоялися».

В 1677 г. было опубликовано поучение, «возбуждающее люди до молитвы и поста во время нахождения супостатов» (нач.: «Благодать и мир бога Отца вседержителя и едиnorodного его Сына. . .»). С именем патриарха связывают документы церковно-служебного характера: чин поставления священника, подготовленный к печати в 1679 г., но не изданный; чин поставления архиепископа 1682 г.: чин мироварения («Сочинение святого мира»), составленный в марте 1683 г. 27 апреля 1682 г., в день смерти царя *Феодора Алексеевича*, патриарх возглавил деятельность избирательного собора, и в результате «единодушнаго согласия и сердечнаго единомыслия» царем избрали Петра (сохранился акт собора под названием «Воззвание патриарха Иоакима ко всем государственным чинам и к народу»). Кроме перечисленных произведений до нас дошло много грамот И.: они частично опубликованы, но изучены недостаточно полно (перечисляются в хронологической последовательности по изданиям ААЭ и АИ): 1) грамота о запрещении печатать на бумажных листах изображений святых и торговать немецкими печатными листами с подобными изображениями (после 1674 г. — ААЭ. Т. 4. № 200); 2) грамота архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Никите о запрещении инокам Ферапонтова монастыря именовать монаха Никона письменно и устно «святейшим патриархом» (январь 1675 г. — ААЭ. № 201); 3) грамота в Кирилло-Белозерский монастырь о переделке печей в кельях бывшего патриарха Никона и о постройке для него особой поварни (5 июля 1676 г. — ААЭ. № 213); 4) богомольная грамота игумену Иоасафу Воскресенского монастыря в Карачеве о молебствии и пощении по случаю войны с турками и крымскими татарами (26 августа 1678 г. — ААЭ. № 226); 5) грамота к царям Петру и Иоанну Алексеевичам о посылке книги «Увет» и об отправлении к ним митрополита Суздальского Илариона с ходатайством за виновных стрельцов (25 сентября 1682 г. — ААЭ. № 260); 6) грамота митрополиту Новгородскому *Корнилию* о рассылке книг «Увет» по церквам и монастырям его епархии (17 октября 1682 г. — АИ. Т. 5. № 98); 7) наказная грамота в Галич (14 июля 1685 г. — ААЭ. Т. 4. № 285); 8) грамота митрополиту Новгородскому *Корнилию* с разрешением постройки православных церквей в Польше и Швеции и о поставлении к ним священников и дьяконов (21 июня 1686 г. — АИ. Т. 5. № 142); 9) грамота митрополиту Новгородскому *Корнилию* о наблюдении за церквами в русских городах, отошедших по мирным договорам к Польше и Швеции (30 августа 1689 г. — АИ. № 188). Многие послания и грамоты И., объединенные по тематическому принципу, вошли в состав сборника под названием «Икона, или Изображение великие соборные церкви всероссийскаго и всех северных стран патриарша престола приключшихся дел в разные времена и лета» (опубликованы только документы, относящиеся к управлению киевской митрополией: Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 5). «Икона», составленная в 1700 г. неизвестным автором, представляет собой сборник документов патриархов И. и *Адриана*, относящихся к управлению отдаленными епархиями, и писем этих патриархов к представителям других православных церквей. 29 посланий, грамот и писем И., вошедших в состав «Иконы», помещены в разделе под названием «О Киевской Малороссийской митро-

полии, како подсудстовася всероссийскому патриаршу престолу, вдовствовавши многая лета, ведение известно». Они написаны в 1683—1689 гг. и обращены ко многим адресатам: константинопольским патриархам Иакову и Дионисию, гетману Самойловичу, архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу, архимандриту Киево-Петерской лавры Варлааму Ясинскому и др. Кроме этого в «Икону» были помещены 14 писем И. к различным адресатам, в которых затрагивались самые разнообразные вопросы церковной жизни (письма не напечатаны, перечень их приложен к изданию в «Архиве Юго-Западной России»). Два произведения И. вошли в состав сборника Евфимия Чудовского «Остен», который посвящен вопросу о времени пресуществления святых даров, а именно: 1) послание митрополиту Киевскому Гедену и архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу о «тетраде», изданной в 1668 г. под названием «Выклад о церкви и церковных речах» (3 февраля 1688 г.); 2) слово поучительное, произнесенное на Соборе 1690 г. (весь сборник «Остен» долгое время приписывался И., поэтому в издании памятника на фронтисписе помещен его портрет с факсимиле подписи). Перед смертью И. по традиции написал духовное завещание, где пространно поучал русских людей бороться против иностранного влияния, напоминая, что сам всегда боролся с этим («егда на Крымских татар Росийския царствия полки ходиша, аз смиренный . . . молих и доносих началствующим . . . еже бы еретикам, иноверцам над христианы в полках начальниками не быти»). Не удовлетворяясь воспоминаниями, он перед смертью закликает, «еже бы иноверцам еретикам костелов римских, кирак немецких и татаром мечетей в своем царствие и обладание всеконечно не давати строити нигде, и новых латинских иностранных обычаев и в платии премен по иноземский не вводити».

Исследователи предполагают участие И. в создании целого ряда других произведений XVII в. — Иоакимовской летописи (С. К. Шамбинаго), Краткого летописца новгородских владык (Л. В. Черепнин), *Летописи Новгородской Забелинской* (С. Н. Азбелев), *Летописи Мазуринской* (В. И. Корецкий). При активной поддержке И. в 1681 г. на Печатном дворе начала действовать школа «греческого чтения, языка и письма», имевшая в 1686 г. 233 ученика, а в 1687 г. в Заиконо-Спасском монастыре открылась Славяно-греко-латинская академия во главе с братьями *Лихудами* (И. сам выбирал место для строительства здания академии, следил за постройкой). Литературное наследие патриарха И. изучено недостаточно полно.

Соч.: Последование молебного пения и поучение «во время нахождения супостатов». М., 1677; Слово на Никиту Пустосвята. М., 1682 (в 1721 и 1753 гг. переиздано в Москве); Увет духовный. М., 1682. Л. 1—83 об.; Слово благодарственное патриарха Иоакима об избавлении от отступников. М., 1683; 1688; ДРВ. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111—139 (духовное завещание); ААЭ. СПб., 1838. Т. 4. С. 252—255, 289—290, 303, 305, 310, 312—315, 322, 371—372, 422—424, 442—444; АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 154—155, 243—244, 325; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 467—477 (духовное завещание); Остен. Казань, 1865; Архив Юго-Западной России. Киев, 1872. Ч. 1, т. 5: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху. С. 35—438; Житие и завещание святейшаго патриарха Иоакима. СПб., 1879. № 47. С. 102—144 (духовное завещание) (изд. ОЛДП).

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 123. 476—478, 569 и др.; Баранович Л. Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865; Гаврилов А. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872; Смирнов П. Иоаким патриарх Московский. М., 1881; Белокуров С. А. Сильвестр Медведев об исправлении богослужебных книг при патриархе Никоне и Иоакиме. СПб., 1885; Строев. Словарь. С. 124—132; Филарет. Обзор. С. 249—250; Барсуков А. П. Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891; РБС (Иоан—Ключарев). СПб., 1897. С. 174—177; Браиловский С. Н. Один из «Пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 140—143; Хоменко Л. И. Список ученых трудов Л. М. Савелова. М., 1915; Черепнин Л. В. 1) «Смута» и историография XVII в.: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 119—127; 2) Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 351—352, 355—357, 365—367; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. 1947. Т. 21. С. 254—270; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 61—65, 74; Панченко А. М. Кви́рин Ку́льман и чешские

братья» // ТОДРЛ. М., 1963. Т. 19. С. 330—347; И р ж и Д. Современное состояние Великой России, или Московии // ВИ. 1968. № 4. С. 143; Б у г а н о в В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 11, 221—223 и др.; 2) Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 189, 191, 196, 293, 294; Л у п п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 139, 140, 142 и др.; Описание рукописного отдела БАН. Л., 1974. Т. 3, вып. 3. С. 88, 106, 122, 174—180; Р о б и н с о н А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 222 и др.; Е л е о н с к а я А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 99, 100; Ч е р н а я Л. А. Кавычные Прологи конца XVII—начала XVIII века и характер их правки (6, 8, 9, 10 и 11-е издания Пролога) // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 132—141; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 151, 156, 164, 216; Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 165—169; Б о г д а н о в А. П. Политическая гравюра в России периода регентства царевны Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей 1981. М., 1982. С. 225—246; В о р о н о в а Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 201; М о р д в и н о в а С. Б. Историко-художественные предпосылки возникновения и развития портрета в XVII в. // От средневековья к Новому времени: Материалы и исслед. по русскому искусству XVIII—первой половины XIX века. М., 1984. С. 18; Д е м и н А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 223—240, 305, 330, 336, 337; П о н ы р к о Н. В. Житие Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 381; С е д о в П. В. О боярской попытке учреждения наместничества в России в 1681—1682 гг. // Вестн. ЛГУ. 1985. № 9. С. 25—29 (Сер. ист., яз., лит. Вып. 2); К л и м е н к о А. А. Здесь учился М. В. Ломоносов // Памятники науки и техники. 1985. М., 1986. С. 192; Р у м я н ц е в В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 69, 210, 236.

В. К. Зиборова

Иоанн (первая половина XVII в.) — инок Арсеньева Комельского монастыря, автор Жития Арсения Комельского. Первоначальная редакция Жития стореда вместе с монастырской церковью в 1596 г. После этого в «дохее» (кладовой) монастыря нашли «малу хартию» с заметками о жизни Арсения, — возможно, ту фактографическую основу, на которой было создано первоначальное Житие. «Игумен же и братия меня, убогого раба Иоанна, — пишет о своей редакции И. (из этой записи и известно его имя), — понудиша житие святого переписать. Аз же о преподобнем житии распросив и хартию переписав, а иныя многия чудеса своими очима видех истинно, толико мало потщахся написати житие и чудеса святого вкратце». По оценке В. О. Ключевского, действительно, «рассказ его при своей простоте не богат подробностями, сух и отрывочен» (нач.: «Слава тебе, Христе Боже, сотворшему всяческая. . »).

Арсений был последним из основателей в Комельском лесу новых монашеских обителей. Уроженец Москвы (вторая половина XV в.) из рода бояр Сахарусовых, он постригся в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, в 1525 г. был возведен там на игуменство, но в 1529 г., тяготясь своей должностью, ушел на Север, побродил там и обосновался наконец в глухом болотистом месте в Оловом конце Комельского леса, при слиянии рек Леша и Кохтыш, в сорока верстах от Вологды. Однако ему начали вредить окрестные крестьяне, стремившиеся воспрепятствовать появлению нового монастыря. После того как ими был убит живший с Арсением келейный старец, он был вынужден оттуда уйти. Отойдя за тридцать верст, Арсений поселился в Шилегорском лесу на р. Шингор и жил там в одиночестве до 1538 г., когда во время набега казанских татар многие жители окрестных сел и деревень укрылись у него в лесу, а некоторые после этого остались там жить. Тогда он вернулся в Комельский лес, на землю в котором сумел получить жалованную грамоту, отстроил там монастырь, завел скот, хозяйство и в 1539 г. с благословения Вологодского и Великопермского епископа Алексея основал общежитие; в 1541 г. освятил новопостроенную церковь. Умер 24 августа 1550 г. Завершают Житие семнадцать чудес, относящихся к 1602—1657 гг., «но последние из них, по-видимому, — считает В. О. Ключевский, — приписаны к Житию после». Очевидно, одновременно с Житием была написана Служба Арсению. Списки и Жития, и Службы редки.

Но существует список Жития, сделанный в первой половине XVII в.: ГПБ, ф. 354, № 65. Известен и список начала XVIII в.: ГИМ, собр. Уварова, № 1247 (107) (134), л. 47—64. И. Верюжский (Исторические сказания. . . С. 474) сообщает, что видел в монастыре Службу Арсению в списке XVII в. Научного издания посвященных Арсению Комельскому произведений нет.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 333; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, представляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 457—474; Барсуков Н. Источники агнографии. Стб. 57—58; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4, отд. 4: Исследования. С. 72—76.

Г. М. Прохоров

Иоани (третья четверть XVII в.) — инок свияжского Успенского монастыря, автор Жития Германа, архиепископа Казанского. Заглавие Жития называет его автора и вдохновителя: «Месяца ноеврия в 6 день. Житие и страдалчество иже во святых отца нашего Германа архиепископа градома Казани и Свияжска. Списано по благословению господина Лаврентия архиепископа, градом Казани и Свияжска митрополита, убогим рабом Иоанном» (нач.: «Уме промыслительный мой! К тебе убо в настоящее время беседую. . .») (ГПБ, Q.1, № 775, начало XVIII в., 158 л.; Житие предваряется здесь Службой Герману, а завершается «Сказанием от чудес святаго Германа» с двумя продолжениями; начала рукописи недостает). Г. Елисеев и Н. П. Барсуков знали только один хранившийся в кафедральном Благовещенском соборе г. Казани список (тоже со Службой), где имя автора, судя по тому, что эти ученым считали его неизвестным, указано не было (кроме того, они были знакомы с переводом Жития на современный русский язык, сделанным архимандритом свияжского Богородицкого монастыря Иеронимом и хранившимся в этом монастыре). В. О. Ключевский пользовался списком ГИМ, собр. Уварова, № 792, XVIII в., л. 70—267 с именем автора. Благословивший написание Жития архиепископ Лаврентий был митрополитом Казанским в 1657—1673 гг. — так определяется время работы И. Сведения о втором архиепископе Казанском, основателе Свияжского монастыря Германе (ум. 1568), сообщил И., по его словам, тот же владыка Лаврентий. Сведения эти скудны, неточны и хронологически сбивчивы. Автор жалуется на отсутствие старых записей о Германе. Житие пространно за счет торжественного красноречия. Тем не менее оно является важным историко-литературным памятником, представляя собой запись преданий об известном церковно-политическом деятеле эпохи *Ивана Грозного*, которого *Андрей Курбский* считал жертвой этого царя. Происходивший из рода Садыревых-Полевых, потомков князей Смоленских, Герман, как и его отец Филофей Полев и, вероятно, какой-то родственник *Нил Полев*, был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря в тот период (30-е гг. XVI в.), когда этот монастырь был одним из ведущих церковно-политических центров страны. В 1554 г. Герман привез из Москвы с собора осужденного за ересь на заключение в этом монастыре Матвея Башкина; в следующем году он основал Свияжский монастырь в Казанской епархии, а в 1564 г. стал митрополитом Казанским и Свияжским. Через два года после смерти митрополита *Афанасия* Иван Грозный вознамерился возвести на митрополию Германа, но после беседы с ним отказался от этого намерения и изгнал его из митрополичьих палат. На суде над митрополитом *Филиппом II*, как сообщается в Житии, один Герман заступился за него. Причиной смерти Германа, последовавшей в этом же году в Москве, Житие позволяет считать скорее мор, нежели казнь от царя. В 1592 г. мощи Германа были перенесены в Свияжск. Запись чудес у его гроба, начатая И., была продолжена в 1675—1679 гг. «с любопытной, — как отмечает В. О. Ключевский, — заметкой о раскольниках в Казанском крае». Житие не излано.

Лит.: Е л и с е е в Г. Жизнеописания святителей Гурия, Германа и Варсонофия, казанских и свияжских чудотворцев. Казань, 1847. С. 31—48; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 342; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 129—130.

Г. М. Прогоров

Иоани (середина или вторая половина XVII в.) — священник села около Кирилло-Челмогорского монастыря, автор описания чудес Кирилла Челмогорского. Первоначальные записки о Кирилле Челмогорском, как сообщает И., пропали при литовском разорении монастыря в Смутное время. О Кирилле он знает только то, что тот пришел «на Челму гору» (в пятидесяти верстах от Каргополя на р. Онеге) «на лето 6824-е», т. е. в 1316 г., и прожил там пятьдесят два года в одиночестве, поскольку братии не собирал и монастыря не устраивал. После его смерти (8 декабря 1367 г.) остались возведенная им церковь Богоявления, часовня и келья, которые несколько лет оставались пустыми. Затем туда пришел из Новгорода инок Серапион с товарищами, но через три года они покинули это глухое место, которое вскоре было вновь заселено неким монахом Арсением и его товарищами. Те распахали и засеяли землю, вместо сожженной молнией церкви Кирилла возвели другую, Успенскую; число братии стало быстро увеличиваться и к 1419 г. достигло восьми десятков человек. Они возвели новую церковь Богоявления с приделом великомученицы Екатерины и, вызвав из Новгорода искусного изографа Иоанна, «повелеша ему написати образ преподобного отца Кирилла». Люди, знавшие Кирилла в жизни, нашли сходство между образом и оригиналом; от образа тут же начались чудеса. Далее следуют рассказы о чудесах, написанные, по оценке В. О. Ключевского, витиевато, но дающие возможность составить некоторое представление о жизни обители до середины XVII в. Списки Жития, как замечает В. О. Ключевский, чрезвычайно редки. Сам он пользовался списком из принадлежащей ему поморской рукописи. Н. П. Барсуков указывает списки ГИМ, собр. Барсова, № 70, 72, 308, XVII—XVIII вв. и сообщает, что «Я. И. Бередников в бытность свою в 1834 г. в Челмогорском монастыре напел там список жития святого, писанный в XVII веке» (Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 269—270).

Соч.: Д о к у ч а е в - Б а с к о в К. А. // Христ. чт. 1889. № 3—4.

Лит.: К л ю ч е в с к и й В. О. Древнерусские жития. С. 320—322; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 309; Д о к у ч а е в - Б а с к о в К. А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера: История Челменской пустыни // Христ. чт. 1889. № 9—10. С. 43—111.

Г. М. Прогоров

Иоани (вторая половина XVII в.) — коломенский священник, автор «Слова улична» и «Спора православных с лютыми капитоны» — богословско-полемиических трактатов, сохранившихся в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1560, Сборник-конволют, XVII в., л. 82—87 об., 88—102 об. «Слову уличну», полное название которого: «Слово улично священника Иоанна от божественного писания на лживую повесть» (нач.: «Не в научных человеческия, по апостолу Павлу, премудрости словесех. . »), предшествует «Список с подметной повести писма руки Исидора Крючкова», где говорится о близком конце света (см. статью Крючков *Исидор*). Из «Слова улична» следует, что житель Коломны Исидор Крючков «винился во архиепископле приказе на Коломне» и что он принадлежит, на взгляд автора, к «капитонам», «мутящим» церковь. Касаясь предсказания конца света, И. отвечает, что человек не может «ведати ум господень». Непосредственно за «Словом уличным» в рукописи следует заголовок «На мутителей согласия единства церквей — лукава иерея Игнатия с единомысленики его» (л. 88), после которого идет перечень нескольких псалмов, и лишь затем — «Спор православных с лютыми капитоны о правой вере, ею же действует божия церковь». Из сохранившегося в списке ГИМ, Синодаль-

ное собр., № 14 (3) дела о коломенских попах И. и Игнатии ясно, что «лукавый иерей Игнатий» — поп той же коломенской Воскресенской церкви Игнатий Осипов. Спор между ними начался в 1661 г. и закончился в 1676 г. В эти годы и был, очевидно, написан И. «Спор православных с лютыми капитоны». «Спор» написан в форме диалога (нач.: «Православный: Рци ми, капитоне, како веруеши. От дел твоих покажи ми. . .») и касается вопросов, по каким книгам служить — старым или новым, как креститься, крестить, венчать, исповедовать и т. п. Тональность местами резкая («Капитон: Убо престани, мужичей сын. . .»; «Православный: . . . С вас же отметников и лживых пророк снят будет овчия кожи и внутренней волчия нрава хищный обычай обнажится всем. . .»). Оба трактата не изданы.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе XVII века: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. СХХ.

Г. М. Прохоров

Иоанн Васильевич Шевелев-Наседка (в монашестве Иосиф) (ок. 1570—ок. 1660) — священник, справщик Московского Печатного двора, писатель и публицист. Родился в селе Клементьеве около Троице-Сергиевой лавры, где с 1608 по 1619 г. был священником. Очевидец и участник так называемого Смутного времени. Патриарх *Филарет* перевел И. В. в Москву, поставив его священником церкви Благовещения, «что у государей на сених». В 1621—1622 гг. И. В. участвует в посольстве в Данию, целью которого было сватовство царя *Михаила Федоровича* к племяннице короля Христиана IV. В 1626 г. назначен соборным клjučарем Большого Успенского собора. С 1638 (?) и до 1652 г. был справщиком Московского Печатного двора. В 1649 г. становится главным справщиком после *Михаила Рогова*, в этом же году овдовел, в связи с чем принял монашество. В 1651 г. у И. В. возник конфликт с патриархом *Никон* по вопросу об исправлении богослужебных книг: Никон требовал исправлять книги по греческим оригиналам, И. В. греческого не знал, а о греках говорил, что «они во греху позакоснели . . . и в неволи пребывают». В результате в 1652 г. И. В. был отправлен в заточение в Кожеезерский монастырь. Последнее известие о И. В. относится к 1654 г., когда его вызывали в Москву для дачи показаний по делу *Ивана Неронова*.

Все литературное творчество И. В. неразрывно связано с политическими и общественными событиями его времени. В 1611—1612 гг. он, находясь в Троице-Сергиевской лавре, помогал архимандриту *Дионисию* в составлении патриотических грамот. В 1615—1616 гг. вместе с архимандритом *Дионисием* и старцем *Арсением Глухим* принимал участие в исправлении богослужебных книг (Служебник, Октоих, Требник и др.). В тексте Требника в предложении «Сам и ныне Владыка, освяти воду сию Духом твоим и огнем» справщики убрали выражение «и огнем», что послужило поводом к созыву двух церковных соборов — 1618 и 1619 гг. Активное поведение И. В. на этих соборах может служить характеристикой его темперамента («митрополиту Ионе и архимандритам и честным протопопам, спираючись, очи слиноми забрызгал»). После соборов писатель составил сочинение в 40 главах «Изысканное от многих божественных книг свидетельство о прикладе огня», где подводится итог многолетней полемики об исправлении богослужебных книг. После поездки в Данию появилось одно из лучших его произведений «Изложение на люторы» (1623), которое долгие годы было общепризнанным образцом антилютеранской полемики. Лучшими страницами этого произведения являются личные впечатления автора о пребывании в Дании, среди других его источников следует отметить «Просветитель» *Иосифа Волоцкого*. За всю работу И. В. получил в награду «пять аршин сукна лундышу вишневого». Позднее он написал два поэтических комментария к этому

произведению: «Написание о лютом враге Мартине, в лепоту рещи — о блядивом сыне, иже вся своя ереси в все концы ввел и всех их во дно адово свел» (1639) и «О римских и латынских папежах, аки о бесовских мрежах: ими же человеческия души уловляются и во адово дно низпосылаются». В 1627 г. И. В. вместе с игуменом московского Богоявленского монастыря *Ильей* составил сочинение в 49 главах «Свиток укоризны Кириллу Транквиллину погрешительным его словесем, блужения его ересем. . .», в результате чего книгу Транквиллиона сожгли. Являясь одним из справщиков, принимал активное участие в интенсивной деятельности Московского Печатного двора, редактируя и составляя книги (с 1645 по 1652 г. было выпущено 85 изданий). Например, в 1644 г. вместе с Михаилом Роговым, *Шестаком Мартемьяновым* и старцем *Савватием* И. В. составил «Кириллову книгу». В 1644—1645 гг. в связи со сватовством датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича И. В. выступил с неоконченным произведением «Списание богородичного ключаря Ивана на королевичева немчина Матвея», посвященным вопросу о перекрещивании королевича. Последняя литературная работа И. В. относится к 1648—1649 гг., когда он написал обширное дополнение к Житию Дионисия Зобниновского, составленному *Симоном Азарьиным*. Будучи хорошим начетчиком, талантливым самоучкой, И. В. восполнял отсутствие необходимых для полемики знаний (он не знал ни греческого, ни латинского языков) своим литературным темпераментом, позволяя сильные выражения в адрес противников. Большинство работ И. В. представляют собой тематические компиляции, в которые широко привлекались малороссийские произведения и которые отличаются растянутостью слога и неясностью смысла. Зато при описании событий, очевидцем которых был он сам, язык его становится сочным и метким. Творчество И. В. изучено недостаточно полно, часть произведений остается неопубликованной.

Соч.: Кириллова книга. М., 1644; Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // Собр. А. Голубцовым // ЧОИДР. 1892. Кн. 2, отд. 2. С. 1—350; Сатира XI—XVII веков. М., 1987. С. 363—379.

Лит.: Цв е т а е в Д. Литературная борьба с протестантами в Московском государстве. М., 1887; Г о л у б ц о в А. 1) К вопросу об авторе, времени написания, цели и составе «Изложения на люторы» // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1888. Кн. 3. С. 152—176; 2) Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; С к в о р ц о в Дм. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиевской лавры. Тверь, 1890; П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 374—377; РБС: Наакс—Николай Николаевич Старший. СПб., 1914. С. 105—110; Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 122—123; Д е м и н А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков.: (Общественные настроения). М., 1985. С. 302—305; Р у м я н ц е в В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 31, 44—45, 48, 50, 63, 90.

В. К. Зиборов

Иоанн Лукьянов (старец Леонтий) — автор Хождения в Иерусалим в 1701—1703 гг., в рукописной традиции имеющего заглавие «Описание пути ко святому граду Иерусалиму от Москвы до Киева, от Киева до Воложской земли, от Воложской земли до Дуная, великия реки, и от Дуная до Царя-града, и от Царя-града до святаго града Иерусалима . . . хождение во Иерусалим с Москвы старца Леонтия». Из 13 известных списков Хождения только в одном (ГПБ, F.IV.319) автор его обозначен как московский священник, в 10 других списках автором назван старец Леонтий (в двух списках утрачено начало, где указывается имя). Подлинность имени доказана М. И. Лилеевым, которому удалось отыскать и опубликовать подорожную на имя священника И. Л., выданную в 1701 г. для проезда в Иерусалим. Возможно, что имена И. Л. и старца Леонтия в разное время носило одно лицо. И. Л. мог стать старцем Леон-

тием либо при перекрещивании, либо при пострижении. Все, что мы знаем об И. Л. — Леонтии, известно с его же слов, из текста Хождения. Он был родом из Калуги, в декабре 1701 г. отправился с какими-то спутниками (о которых ничего не известно) в путешествие из Москвы в Иерусалим. Путь его лежал через Украину, Валахию, Царьград. В Иерусалиме он пробыл 14 недель и вернулся назад. Хождение заканчивается возвращением И. Л. в г. Нежин. М. И. Лилеев отождествлял старца Леонтия с ветковским старообрядческим священником Леонтием, известным по судебным документам 70-х гг. XVII в. Такое отождествление приходится считать только догадкой, поскольку никаких фактов в его пользу, кроме общей принадлежности к старообрядчеству и близости к Калуге, не обнаружено. На принадлежность автора Хождения к старообрядчеству указывают следующие признаки: 1) отношение к двуперстии — паломник собирал свидетельства в его пользу; 2) при описании Царьграда он критиковал иерархию и обряды греческой церкви с последовательно старообрядческих позиций.

Сочинение И. Л. примечательно близостью его стиля к стилю протопопа *Аввакума*.

Соч.: С о б о л е в с к и й С. А. Путешествие в святую землю священника Лукьянова // РА. 1863. Вып. 1. Стб. 21—64; Вып. 2. Стб. 113—159; Вып. 3. Стб. 223—263; Вып. 4. Стб. 305—344; Вып. 5. Стб. 385—416; 2-е изд. // РА. 1866.

Лит.: Л и л е е в М. И. К вопросу об авторе «Путешествия во Св. землю» 1701—1703 г. московского священника Иоанна Лукьянова, или старца Леонтия // ЧИОНЛ. Киев, 1895. Т. 9, отд. 2. С. 25—41; С е е т а л л К.-Д. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 366—376; П о н ы р к о Н. В. Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 156—163; Т р а в н и к о в С. Н. Историческая основа «Путешествия» Иоанна Лукьянова // Факт, домысел, вымысел в литературе. Иваново, 1987. С. 52—64.

Н. В. Поньрко

Иоанникий Грек (первая половина XVII в.) — келарь московского Новоспасского монастыря (1619—1630), приехавший в Москву в 1619 г. с иерусалимским патриархом Феофаном, автор «Скаски Новоспасского монастыря келаря греченина Иоанникия про монастыри, имеющиеся в Цареграде, Иерусалиме и во всей греческой области», которая была записана со слов патриарха. Считавшаяся утерянной «Скаска» сохранилась в документах Посольского приказа (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, д. 1629 г., № 22, 11 л.), не опубликована. Текст «Скаски» дошел без начальных строк; он содержит перечень православных греческих монастырей Царьграда, Иерусалима, Антиохии, Синайской и Афонской гор с указанием их властей и топографических примет. Например: в Царьграде назван «Монастырь Иванна Предтечи, что блиско Балутцких ворот стоит, за городовою стеною, на самом море, а в нем 2 священника же, черной и белой, да два дьякона, да стариц до 20 человек»; «В Ерусалиме внутри города против патриархова двора монастырь Успения пречистыя Богородицы, а в нем игуменья, да стариц с 50»; «... на той (Афонской. — О. Б.) горе начальной болшой монастырь святого Офонася Офонского, а на ней монастырей з 22 и болша. . .» и др. В ряде случаев сообщается о неосведомленности И. Г.: «А подлинно он во Антиохее не знает, потому что не бывал»; или: «Синайская гора . . . монастырей на тое горе с 4, а имяна их и сколько в них братья, того не ведает, сам не бывал». Поскольку И. Г. был «роспрашиван» почти через 10 лет после приезда в Москву, в «Скаске» отмечается: «А иных он монастырей во Цареграде имянно не помнит, а иных и не знает, потому что он во Цареграде жывал мало. . .».

Известия И. Г. дополнены в рукописи приписками, сообщающими данные о «милостыне» греческим монастырям и духовным властям, оказанной посольством Трифона Коробейникова (ср. отчет Трифона Коробейникова в розданной царской милостыни — ППС. СПб., 1888. Вып. 27.

С. 84—103). Например, после упоминания Иерусалимского монастыря св. Екатерины приписано: «А преж сего с Трифоном послано дать 30 старцам 60 золотых. . .»; о монастырях мученицы Пелагии, Феодора Стратилата, Василия Кесарийского и др. в приписках сказано: «В Трифонове скаске не написан»; названы и дары, отосланные к царьградскому и иерусалимскому патриархам: «500 золотых угорских, да 40 соболей. . .» и т. д.

Встречаются в «Скаске» и сведения о расстояниях: «А Ерусалим стоит от Царьграда далеко, сухим путем до него ходу до 60 дней, а морем ходят смотря по погоде»; «. . .от Ерусалима ходу днища з два»; «Афонская гора от Царьгорода верст 300 блиско Селуня града. . . а ходение морское ближе, а сухим путем до нея недель с 6. . .».

Назначение «Скаски» скорее всего чисто деловое, для упорядочения раздачи пожертвований («милостыни») властям греческих православных монастырей со стороны Московского царя и патриарха. Отсутствие в «Скаске» легендарных известий о греческих обителях, достаточно распространенных на Руси, подтверждает это так же, как и характерная зависимость от делового отчета, а не от Хождения Трифона Коробейникова.

«Скаска» И. Г. представляет интерес как пример записи устного рассказа (скорее всего на греческом языке) в переводческой среде Посольского приказа в первой трети XVII в. Поскольку одного из братьев Лихудов называли иногда Иоанникий Грек, А. И. Соболевский не сумел отличить первого от второго и ошибочно приписал старшему роль редактора славянского перевода литургии апостола Иакова, выполненного еще Евфимием Тырновским.

Еще один устный рассказ И. Г. — о христианских святынях в Грузии — был записан за ним в 1624 г. (Полиевктов М. Материалы по истории грузинско-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937. С. 95—97).

Лит.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. М., 1903. С. 286, 292, 391; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. С. 169—172, 176—178; Белобрава О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 17—18.

О. А. Белобрава

Иоасаф I (вторая половина XVI в.—28 XI 1640) — патриарх всероссийский, автор грамот. И. был родом из боярских детей, монашеское пострижение принял в Соловецком монастыре, некоторое время служил в Новгороде при митрополите *Исидоре* (ум. в 1619), бывшем до 1604 г. соловецким игуменом. В 1621 г. И. был возведен в архимандриты Псково-Печерского монастыря, а в 1627 г. стал псковским архиепископом. Здесь он в 1632 г. подвергся кратковременной патриаршей опале за то, что подписался под челобитной псковичей царю о том, «чтобы немцам в Пскове не быть» (немцы прибыли с грамотой о свободной торговле в городе и разрешением на постройку там немецкого двора). В Москве челобитная была воспринята как сопротивление верховной власти, и патриарх *Филарет* «отнял благословение и службу» у архиепископа. Но в скором времени от патриарха было получено разрешение (вслед за тем, как псковичи, отправив три тысячи рублей царю, добились, чтобы немцам было велено строить гостиный двор за пределами города). 6 февраля 1634 г. И. был поставлен в патриархи всероссийские. В Хронографе архиепископа *Пахомия* о поставлении И. читаем: «В лето 7142 . . . поставлен бысть на великий престол московского государства в патриархи Пскова и Великих Лук Иоасаф архиепископ по изволению царя Михаила Федоровича всеа Руси и по благословению Филарета патриарха, понеже был дворовой сын боярской, во правах же и житии добродетелен был,

а ко царю не дерзновенен» (см.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 318). Есть основания полагать, что «недерзновенность ко царю» и смиренный нрав и определили выбор Филарета Никитича, опасавшегося, как бы те исключительные отношения между царем и патриархом, которые в период его патриаршества были естественным следствием родственных отношений между отцом и сыном, не перешли к его преемнику и не стали ограничителем царской власти.

Первое из дошедших до нас писаний И. — это его грамота, посланная 14 сентября 1635 г. в Сийский монастырь о снятии святительского сана с бывшего суздальского архиепископа Иосифа и о его отправке в Соловецкий монастырь. Другое сочинение И. — его ответ на вопрос царя *Михаила Федоровича* о том, что следует предпринять против крымского хана. Это короткое послание явственно подтверждает ту характеристику, которую сам царь дал И., когда извещал восточных патриархов о его избрании, называя «мужем благоразумным, правдивым, благоговейным и наученным всякой добродетели». Вот как отвечал И. царю в своем послании: «И я, богомolec твой государев Иоасаф патриарх, со всем освященным собором даем мысль свою . . . глава бо еси всем, покажи, государь, ревность и благочестие, чтобы тебе, государю, своих посланников . . . от бесерменских рук и злаго мучения . . . свободить, а царская твоя государева казна тем скудна не будет. . . А в украинских городех пристойно тебе, государю, устроить ратных людей, конных и пеших. . . А за мучение твоих государевых людей крымским послом что учинити, и о том нам, богомольцем твоим . . . написать не пристойит, занеже, государь, на отмщение врагов, что над ними учинити, бывает твое государево царское благоразсмотрительство . . . а не нашего чину, твоих, государевых, богомольцов». Широко известна Память И. тиуну Манойлову и поповскому старосте попу Панкратию от 14 августа 1636 г. о прекращении в московских церквях разного рода бесчинств. Между 1635 и 1637 гг. И. составил «Лествицу влаstem», закрепив ею своего рода местничество в среде высшего духовенства, основанное на установлении иерархии между русскими монастырями.

То исправление и печатание книг, которое происходило на Московском Печатном дворе в период патриаршества И., не может быть не связанным с его именем, хотя сам патриарх в справе участия не принимал. В отличие от книг, издававшихся при патриархе Филарете, на которых значится, что они «свидетельствованы» патриархом, в книгах Иоасафовой печати имеются только указания на издание по его «благословению».

В место своего пострижения, Соловецкий монастырь, И. почти ежегодно давал вклады церковными облачениями, печатными книгами, деньгами. Погребен И. в московском Успенском соборе.

Соч.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 264. С. 401—405 (Память тиуну Манойлову); Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание . . . Соловецкого монастыря. М., 1858. Ч. 3. С. 263—267 («Лествица влаstem»); Мнение Иоасафа патриарха и всего священного собора // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 372—374 (послание к царю); РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 160. Стб. 551—555 (грамота в Сийский монастырь).

Лит.: Досифей, архимандрит. 1) Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. М., 1847. С. 48, 63—64; 2) Географическое, историческое и статистическое описание . . . Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 1. С. 93, 219, 227—228; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11, кн. 2. С. 85—95; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 8.

Н. В. Понярко

Иоасаф (в миру Иоанн Кириаков) (ум. 27.07.1644) — уставщик и книгохранитель Троице-Сергиева монастыря. Родился в семье Балах-

нинского протопопа Кириака. В 1617 г. И. сделал вклад в Троицкий монастырь: дал книгу Кормчую ценой 10 р. В качестве книгохранителя И. упоминается с 1632 по 1644 г. При нем в книгохранительницу Троице-Сергиевой лавры поступило более 80 книг (а всего там насчитывалось тогда более 600 книг) — так записано в Описи 1641—1643 гг. (ркп. Загорского музея, № 289, л. 271—344). Сохранилось несколько рукописных книг, входивших в келейную библиотеку самого И., судя по записям на них: Устав церковный, начало XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 248), Обиходник, начало XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 252), Святцы, начало XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 366), сборник крюковой, XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 449) и рукопись XVI в. Служба и житие Александра Свирского (ГБЛ, ф. 304, № 528). В записях на некоторых книгах этого же собрания И. называют мирским именем, например: «Продад сию книгу поп Семен Николска Кирьякову сыну протопопу» («О постничестве» Василия Великого — ГБЛ, ф. 304, № 132, XVI в.); или: «Книга Ивана Кирьякова» (Дионтра Филиппа Философа — ГБЛ, ф. 304, № 193, XVI в.), «Иван Кирьяков» (Минея служебная, месяц февраль — ГБЛ, ф. 304, № 528, XVI в.). Некоторые книги И. отличаются совершенством письма и художественного оформления, как, например, Минея служебная 1505 г. (ГБЛ, ф. 304, № 466), переписанная *Михаилом Медоварцевым*. Дата смерти И. обозначена на одной из принадлежавших ему книг; та же дата записана и в Синодике Троице-Сергиева монастыря (ГБЛ, ф. 178, № 8666, л. 287).

Лит.: А р с е н и й, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК за 1865—1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. С. 123; А р с е н и й и И л а р и й, иеромонахи. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. XII, 97, 101, 128, 190; Ч. 2. С. 28—29, 30—31, 121—122, 151—152, 157—158, 171, 216; 1879. Ч. 2. С. 216; Л е о н и д, архимандрит. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 79, 90; У х о в а Т. Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1960. Вып. 22. С. 100, 136; Д м и т р и е в а Р. П. Светская литература в монастырских библиотеках // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 157; П о п е с к у Т. А. Основные источники XVII века по истории библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 26—38.

О. А. Белоброва

Иоасаф Константиновский (в священниках Иоанн Алексеев, сын Попов) (вторая половина XVII в.) — иеромонах, книгохранитель Троице-Сергиева монастыря. Прозвище Константиновский И. получил, по-видимому, от названия села Константиновского Переславского уезда, откуда был родом и где он был священником, пока не овдовел и не постригся в монахи. И. К. состоял книгохранителем в 1673 г.; с 1674 по 1700 г. был ризничим в том же Троице-Сергиевом монастыре. Судя по Описи Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 гг. и по другим данным, в Ризнице находились наиболее ценные книги, как рукописные, так и печатные, главным образом богослужебного содержания или связанные с местным культом (ср. лицевой список *Жития Сергия Радонежского* и др.). В 1690 г. И. К. построил в родном селе каменную церковь Сретения с приделом во имя Афанасия и Кирилла, а в 1699 г. участвовал в освящении храма в селе Матвеевском того же Переславского уезда.

Лит.: А р с е н и й, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК за 1865—1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. С. 106—107, 124; Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. VIII.

О. А. Белоброва

Иоасаф Луковниковский (вторая половина XVI в.) — монах Волоколамского монастыря, книжник. О нем сохранились известия по описи

книг Волоколамского монастыря 1573 г. с дополнениями до 1602 г. (ГБЛ, собр. Горского, № 37; содержание описи с некоторыми комментариями пересказано: ЧОИДР. М., 1847. № 7. Отд. 4. С. 1—16); на л. 9—10 о И. сказано, что во время его игуменства в 1591 г. было установлено всеобщее празднование *Иосифу Волоцкому* и что скончался И. в 1606 г. В описи под 1597 (7105) г. перечислено 14 книг И. как его «дача по душе» в монастырскую библиотеку. И. назван здесь «бывшим игуменом» с упоминанием прозвища. Как игумен монастыря он назван в приписках к рукописям (ГИМ, Епархиальное собр., № 404; ГБЛ, Волоколамское собр., № 593, 591) — по его благословению «чел книги Василий Курицын». Под руководством И. в 1591 г. была сделана перепись книг библиотеки Волоколамского монастыря, сохранившаяся в рукописи ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 26, отд. пост., № 20, л. 115—225 об. («Лета 7099-го генваря в 26 день по государеве цареве и великого князя Феодора Ивановича всея Руси грамоте пречистые Богородицы Иосифова монастыря игумен Иасаф з братиею переписав в книгохранилище <так!> книги» — л. 115).

Лит.: Строев П. М. 1) Словарь. С. 158; 2) Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутьево-Боровского. СПб., 1891. С. 163, 180.

Р. П. Дмитриева

Иоасаф Тумской (в священниках Иоанн) (середина XVII в.) — книгохранитель Троице-Сергиева монастыря, упоминающийся в 1648 и 1649 гг. До пострижения был священником в селе Шухобалове приселка Тумы, пострижен в 1645 г. (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 207, 215, 226).

Лит.: Арсений, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК за 1865—1866. СПб., 1868. Вып. 4. С. 124; Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. VII—VIII.

О. А. Белоброва

Иона Маленький (XVII в.) — черный диакон Троице-Сергиева монастыря, составитель Хождения в Иерусалим и Царьград в 1649—1652 гг. Из трех с половиной лет путешествия, в которое И. М. пустился из Москвы, сопровождая патриарха иерусалимского Паисия, русский паломник около двух лет провел в «Мунтянских землях», откуда только в 1651 г. он направился к Царьграду и Иерусалиму. На пути к христианским святыням И. М. останавливался в Силистрии, Варне, затем на о-ве Милитине и в других местах. Описание Иерусалима в Хождении И. М. выполнено по маршрутному принципу: описываются низкие стены города, затем церковь Воскресения Христова (отмечено почитание предстателями «разных вер»), гроб Христов (отмечен костел фрягов, гробницы французских «князей Балдавинов»; русские иконы, присланные от московского царя *Михаила Федоровича*); иерусалимские монастыри, в том числе «иноверные» (фряжский, армянский); св. Сион, превращенный в турецкую мечеть; Елеонская гора, где турки собирали у паломников «яфимки»; Вифания, Вифлеем и т. д. В Хождении описывается обратный путь — через Кипр, Лаодикию, Миры Ликийские, о-ва Хиос, Милитин, Царьград, Измаил и «Волоскую землю» к Москве. Описание христианских святынь наряду с личными впечатлениями паломника несут печать знакомства автора с Хождением игумена *Даниила*. Начало Хождения отмечено повествовательностью (совершить паломничество автор пригласил патриарх иерусалимский Паисий, которому И. М. показывал в Троице-Сергиевой лавре Успенский собор). Хождение И. М. не получило широкого распространения, возможно, из-за более обстоятельного Хождения

Арсения Сузанова. В жанре паломнической литературы XVII в. Хождение И. М. весьма типично. Сведений об И. М. (кроме указанных в Хождении) нет.

Соч.: К о р к у н о в И. Путешествие к святым местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконем Троицкой лавры. М., 1836; С а х а р о в И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Кн. 8. С. 159—168; Л е о н и д, архимандрит. Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. 1648—1652. СПб., 1882 (ПДП. № 35); Д о л г о в С. О. Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного дьякона Ионы по реклому Маленького. 1649—1652 гг. // ППС. СПб., 1895. Вып. 42.

Лит.: П о н о м а р е в А. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе. . . СПб., 1877. С. 9; S e e m a n K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 344—347.

О. А. Белоброва

Иона Сысоевич (ок. 1607—20 XII 1690) — митрополит Ростовский и Ярославский, автор посланий. Будущий Ростовский митрополит родился в семье священника Сыоя, служившего на погосте близ деревни Ангелово неподалеку от Ростова. А. А. Титов вычитал в одном из сказаний об Исае Ростовском, будто на месте деревни находилось прежде языческое капище, а Ангеловым ее нарек святитель, когда сокрушил здесь идола (см.: Т и т о в. Митрополит. . . С. 88—89). Первоначально И. С. был иноком угличского Воскресенского монастыря, затем стал настоятелем ростовского Белогостицкого, наконец, в 1646—1652 гг. — архимандритом ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. В 1652 г. поставлен патриархом *Никоном* в митрополиты Ростовские и Ярославские; до 5 июля 1690 г. ушел на покой и в том же году скончался (см.: С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 340, 333). Амвросий (Орнатский) ошибочно датирует кончину И. С. 1691 г. (История российской иерархии. 2-е изд. М., 1822. Ч. 1. С. 122).

Митрополит принимал активное участие в церковно-политической жизни, присутствовал на важнейших московских соборах второй половины XVII в. Непродолжительное время — с августа по декабрь 1664 г. — И. С. даже возглавлял русскую церковь, заняв место блюстителя патриаршего престола, когда его предшественник на этом посту *Питирым* стал Новгородским митрополитом. Отрешен от наместничества за то, что, подав дурной пример церковному причту, принял благословение патриарха *Никона*, внезапно явившегося в Москву в ночь с 17 на 18 декабря 1664 г. и вторгшегося в Успенский собор. Созванный 10 февраля 1665 г. по этому делу собор постановил, что митрополит недостоин впредь оставаться местоблюстителем, причем провинившийся должен был подтвердить собственноручно написанным клятвенным свидетельством, что с бывшим патриархом он не имел «никакого согласия и совета», но принял благословение «напрасным его пришествием устранив ужасом одержим» (свидетельство издано в кн.: Дело о патриархе *Никоне* / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 176). Случай в Успенском соборе послужил поводом для догадки Н. Н. Воронина, будто Ростовский митрополит всю жизнь оставался сторонником теократических идей *Никона*, сначала явным, а впоследствии тайным; за отсутствием фактов эта мысль, получившая широкое хождение в научной литературе, не нашла дальнейшего развития. Резкие выпады против бывшего патриарха, которыми насыщена грамота И. С. о незаконном проклятии Крутицкого митрополита *Питирыма*, безусловно противоречат выводам Н. Н. Воронина.

Своей славой у потомков, как и у современников, И. С. обязан прежде всего многочисленным памятникам архитектуры, которыми он украсил Ростов и окрестности. Размах строительной деятельности митрополита породил легенды, причем в одной из них его затеи не без основания расцениваются как недостаток приличествующего иерарху смирения.

Однажды, гласит предание, когда митрополит сокрушался по поводу невыполнения каких-то работ, случилось быть у него ростовскому юрдовому Афанасию. «Ах, Иона, Иона! — изрек Афанасий. — Что ты хлопочешь? В твоих постройках и церквях по времени одни воробьи будут жить» (Т и т о в А. А. Ростовская и Ярославская старина. Ярославль, 1887. Вып. 1. С. 16—17). На своей родине, в Ангелово, И. С. возвел огромный деревянный храм, в котором, по преданию, было 365 окон и множество переходов; церковь сгорела от молнии еще в XVII в. В Ростове им воздвигнуты следующие каменные постройки (перечисляю их по кн.: Б е з с о н о в С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 10): 1) Введенская трапезная церковь в Авраамиевом монастыре (1650); 2) Никольская церковь в том же монастыре (1655); 3) Благовещенский собор Белогостицкого монастыря (1657); 4) Михайло-Архангельская церковь в том же монастыре (1658); 5) стены и башни митрополичьего дома (1670—1675); 6) Воскресенская церковь митрополичьего дома (1670); 7) церковь Григорьевского затвора там же (1670); 8) Белая, отдаточная, и Ионинская палаты (1672—1680); 9) церковь Спаса на Сениях (1675); 10) Сретенская церковь, звонница, декоративное убранство ворот и трапезной Борисоглебского монастыря (1680); 11) звонница Ростовского собора (1680—1682); 12) собор Петровского монастыря (1682—1684); 13) церковь Иоанна Богослова в митрополичьем доме (1683); 14) Троицкий собор в Зачатьевском монастыре (1686—1691). Некоторые другие ростовские здания по времени и стилю также относят к строительству И. С. В Угличе И. С. построил комплекс Рождественского монастыря (1674), а в Ярославле — митрополичий дом с церковью Леонтия (1690). Многие постройки И. С. были украшены фресками, наделены щедрыми митрополичьими вкладами.

Зодчество было не единственным увлечением Ростовского иерарха. В построенном им кремле И. С. разбил висячий сад (см.: С в и р и н А. Н. Корбуха. Сергиев Посад. 1925. С. 7—8). Он обладал и незаурядным музыкальным слухом: большой любитель колокольной музыки, митрополит создал знаменитые по всей Руси ростовские звоны. Колокола Ростовской звонницы в большинстве своем отлиты мастерами И. С. (перечень их см.: Т ю н и н а М. Н. Ростовские колокола и звоны // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 140), самый большой из них строитель Ростовской митрополии назвал в честь своего отца «Сысоем». По-видимому, И. С. сочинил и музыку нескольких звонов — недаром один из них называется «ионинским» (см.: С м о л е н с к и й С. О колокольном звоне в России. СПб., 1907 — отд. оттиск из «Русской музыкальной газеты» (1907. № 9—10. С. 6)).

О литературных интересах И. С. нам известно немного. Скрепленные его именем тексты можно выстроить в следующую иерархию в порядке возрастания в них литературного начала. На нижней ступени этой иерархии будут находиться сказка, в которой митрополит объясняет свое поведение в памятную декабрьскую ночь 1664 г. (издана в кн.: Дело о патриархе Никоне. С. 128), и стереотипная декларация-исповедание, в котором Ростовский владыка наряду с другими участниками Собора 1666 г. должен был засвидетельствовать, что он признает православие восточных патриархов, греческих богослужебных книг и истинность собора 1654 г. (издано в кн.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 37—38; Дело о патриархе Никоне. С. 252—253).

Памятником непримиримости митрополита к врагам церкви являются его отписки в Москву 1657 г. по делу Силки Богданова с учениками — объявившихся в Ростове противников никоновских реформ (издание см.: Судные процессы XVII—XVIII в. по делам церкви / С предисл. Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1882. Кн. 3. С. 3—4, 12; Р у м я н ц е в а В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С. 223—224), а свидетельством административной распорядительности иерарха — благо-

словенные грамоты и написанные по его грамотам «памяти». К первым относятся: 1) Благословенная грамота на построение новой церкви во имя Знамения Богородицы, данная 24 июня 1659 г. Романовского уезда никольскому попу Никифору (издана в кн.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахrameеву. Сергиев Посад, 1897. Вып. 4. № 80. С. 101—103); 2) Благословенная грамота в Спасо-Ярославский монастырь о служении архимандриту литургии «на ковче с рипидами и со осенением свещным», данная в 1666 г. (не издана, читается в рукописи XIX в. ГИМ, собр. Вахrameева, № 1087, л. 217, содержащей царские грамоты в Спасо-Ярославский монастырь; описание см.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские. . . М., 1906. Вып. 5. С. 211); 3) Благословенная грамота на обновление церкви Обнорского Воскресенского монастыря, данная 16 декабря 1686 г. игумену Никону (издание см.: Благословенная грамота преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского, на обновление церкви Обнорского Воскресенского монастыря, где ныне существует приходская Воскресенская церковь, в которой почивают мощи преподобного Сильвестра // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. № 33. Часть неофиц. С. 309—310); 4) Благословенная грамота на построение в Ярославле каменной церкви во имя Сошествия святого Духа, данная 8 сентября 1688 г. попу Макарию (издание см.: Благословенная грамота Ростовского митрополита Ионы Сысоевича 1688 г. на постройку теперешней каменной церкви Сошествия св. Духа // Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 48. Часть неофиц. С. 388—389). Из числа вторых, которые были составлены митрополитом в «соавторстве» с дьяками его канцелярии, сохранились следующие документы: 1) Память в Кирилло-Белозерский монастырь о совершении водоосвящения в навечерии праздника Богоявления, от 1 января 1656 г. (издание см.: ААЭ. Т. 4. № 333. С. 495); 2) Память о запрещении скоморохам и медвежьим поводчикам промышлять в Устюжском и Сольвычегодском уездах, от 23 октября 1657 г. (Там же. Т. 4. № 98. С. 138—139); 3) Память в Сольвычегодск и Лузскую Пермцу с повелением поститься и совершать молебны по случаю войны с турками и крымскими татарами, от 19 октября 1678 г. (Там же. Т. 4. № 229. С. 315—317); 4) Память в Усольский уезд с объявлением о смерти царицы Агафии Симеоновны и царевича Илии Федоровича, от 7 сентября 1681 г. (ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 102. С. 327—328); 5) Память архимандриту Сольвычегодского Введенского монастыря Иосифу о наблюдении за монастырским благочинием, от февраля 1682 г. (ААЭ. Т. 4. № 253. С. 355—356).

Дошли до нас и письма И. С. — непритязательная записка священнику ярославской церкви Дмитрия Солунского Иоанникию с благодарностью за присланную рыбу (см.: Серебриков С. Два письма: Преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского, и назначения его иеромонаха Вассиана, писанные в 1673 году в Ярославль к священнику Дмитриевской церкви Иоанникию // ВОИДР. 1849. Кн. 3. Смесь. С. 2—3), а также три письма, адресованные светским или церковным властям и строго придерживающиеся эпитолярного этикета: 1) Письмо Илье Даниловичу Милославскому с просьбой содействовать удалению из Ростова дьяка Митрофана Никифорова, 1663 г. (см.: Письмо Ростовского митрополита Ионы к тестю царя Алексея Михайловича Илье Даниловичу Милославскому / Сообщ. В. Борисов // ЧОИДР. 1848. Год третий. № 5. Смесь. С. 56; Грамотки XVII—начала XVIII века. М., 1969. № 457. С. 282—283); 2) Письмо Вологодскому архиепископу Симону о присылке росписи церквей и монастырей Пошехонского уезда, после 22 декабря 1675 г. (см.: Суворов Н. Отпись Ростовского митрополита Ионы к Вологодскому архиепископу Симону, в которой уведомляет о получении им вышеприсланной патриаршей грамоты и просит о присылке к нему росписи церквей и монастырей Пошехонского уезда, 1676 <так!> года // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. № 47. Часть

неофиц. С. 463—464); 3) Письмо патриарху *Иоакиму* в ответ на запрос, как поступить с Кириллом Полуектовичем Нарышкиным, который был насильно пострижен в 1682 г. и не желает вести монашеский образ жизни, после 22 ноября 1684 г. (издание письма патриарха и ответа И. С. см.: Л е с т в и ц ы н В. Переписка патриарха Иоакима с митрополитом Ионою Сысоевичем // Ярославские губернские ведомости. 1873. № 10. Часть неофиц. С. 52—53; № 12. С. 62—63). Для характеристики И. С. как литератора всего интереснее последнее письмо, в котором митрополит проявил себя знатоком канонической литературы, настаивая на недопустимости возвращения монаха в мир. В ответ на просьбу патриарха найти исторические прецеденты сложившейся ситуации («где-либо кто в таких случаях правило обрете или бытие летописное чита сему подобное») Ростовский владыка ссылается на судьбу патриарха *Филарета*, приводит эпизод из *Жития Николая Мирликийского* и делает многочисленные выписки из печатной Кормчей. Между прочим, в грамотах И. С. фигурируют и другие издания Печатного двора — исправленный Служебник и «Молебное пение, певаемое во время брани» (М., 1678).

Пожалуй, с большим основанием, чем перечисленные документы, к литературным текстам могут быть причислены две изданные в ААЭ пастырские грамоты И. С. — богомольная грамота в Кирилло-Белозерский монастырь, извещающая о победе над поляками (декабрь 1654 г.), и направленная туда же грамота с требованием соблюдать единогласие и пользоваться новыми печатными служебниками (октябрь 1657 г.). В полной мере писательские способности Ростовского владыки проявились в Окружном послании, написанном им при восшествии на митрополичий престол и причисляемом к лучшим образцам этого жанра (это произведение, изданное в АИ, митрополит Евгений ошибочно приписал *Ионе Думину*: Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 304), и в грамоте о недействительности клятвы, возложенной Никоном на митрополита Питирима, которую, как и другие иерархи, И. С. должен был составить в 1662 г. и которая остается замечательным по страстности и яркости образов публицистическим памятником (изданы лишь выдержки, которые приводит в своей челобитной царю *Иван Геронов*: Материалы для истории раскола. . . 1874. Т. 1. С. 184—185; полностью читается в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 376; описание см.: В о с т о к о в А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 560—561).

По данным автора статьи о портрете И. С., Ростовский митрополит является также автором надписи при кресте на Крестобогородской горе и грамоты о молебне по случаю рождения царевны Наталии Алексеевны. Разносторонне одаренный владыка не чужд был и версификаторства; во всяком случае, предание донесло до нас его трехстишие, адресованное князю Михаилу Михайловичу Темкину Ростовскому: «На своем дворишке люю колоколишки, и дивятся людшкы» (И з р а и л е в А. Ростовские колокола и звоны. СПб., 1884. С. 5). Повесть о обретении мощей Даниила Переяславского позволяет думать, что И. С. записывал или редактировал уже записанные чудеса этого святого, мощи которого он свидетельствовал в 1652 г. О результатах освидетельствования митрополит направил царю и патриарху специальную «епистолию», которая пока не обнаружена (см.: С м и р н о в С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. XXXIII—XXXVI).

Не исключено, что обнародование описи келейной рухляди И. С. (ГИМ, Синодальное собр., № IV, л. 396—405; описание см.: П р о т а с ь е в а Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 108) расширит существующие представления о культурном наследии

Ростовского митрополита. Известен автограф И. С. (воспроизведен в кн.: Т и т о в А. А. Рукописи славянские и русские. . . М., 1892. Вып. 2. Табл. 4), а также современный портрет владыки.

Соч.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 80. С. 118—120; № 335. С. 499—500; АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 62. С. 172—177.

Лит.: Портрет Ростовского митрополита Ионы // Ярославские губернские ведомости. 1855. № 10. Часть неофиц. С. 65—67; М а к а р и й (Б у л г а к о в). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 480—497; Ф и л а р е т. Обзор. С. 235; Т и т о в А. А. 1) Митрополит Иона III Сысоевич и его постройки в Кремле Ростова Великого // ИВ. 1885. Т. 22. Октябрь. С. 88—101; 2) Ростовская иерархия: Материалы для истории русской церкви. М., 1890. С. 71—73; Летопись о ростовских архиереях / С примеч. А. А. Титова. СПб., 1890 (изд. ОЛДП. Т. 94). С. 13—14; РБС: Ибак—Ключарев. СПб., 1897. С. 318; ПБЭ. СПб., 1906. Т. 7. Стб. 288—289; В о р о н и н Н. Н. Ростовский «кремль» // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. С. 655—680; П у ц к о В. Г. Ростовский потир митрополита Ионы // СА. 1971. № 4. С. 250—255.

Д. М. Буланин

Иона Филиппов Суровцын (XVII в.) — инок Синеезерской Троицкой пустыни, автор Жития Евфросина Синеезерского, написанного в 1650 г. Свое имя автор дал криптограммой в записи по окончании Жития. Евфросин Синеезерский был основателем (в 1600 г.) Синеезерского, близ Устюжны Железнопольской, монастыря. В 1612 г. он был убит ватагой поляков, осаждавших Устюжну и пришедших в монастырь для грабежа и разбоя. Житие писано, как сказано в авторской приписке к нему, при втором настоятеле Синеезерского монастыря Моисее. Автор ссылается на рассказы людей, знавших Евфросина Синеезерского; гибель подвижника он описывает со слов некоего мирянина Емельяна Сумина, отец которого Иван Сума, укрывавшийся во время Смуты вместе со многими другими пришельцами в стенах монастыря, был среди избитых поляками и из груды мертвых тел, сам полумертвый, видел мученическую кончину Евфросина. Житие — гармоничный образец произведения агиографического жанра, в меру украшенного, с необходимым набором этикетных приемов в композиции, сюжете и языке, с привлечением необходимого фактического материала; его автор искусно владел мастерством агиографа. Единственный известный список Жития принадлежал Синеезерской пустыни, откуда он был выписан в Археографическую комиссию для подготовки его издания, затем снова возвращен в Синеезерскую церковь. В настоящее время местонахождение рукописи неизвестно.

Соч.: Житие преподобного Евфросина Синеезерского / Подгот. к печати С. А. Адрианов // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13. С. 1—32.

Лит.: А м в р о с и й. История русской иерархии. М., 1822. Т. 6. С. 108—112; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 192—193; Я к о в ц е в с к и й Г. Исторические сведения о Синеозерской пустыне Устюженского уезда, Новгородской губернии и ее основателе св. преподобномученике Евфросине, Новгородском чудотворце. Новгород, 1912.

Н. В. Понирко

Иосиф (первая половина XVII в.) — архимандрит Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, автор Слова о явлении преподобного Даниила Переяславского (вариант: «Чудо о сыне боярском»). Поставленный архимандритом из патриарших ризничих, И. управлял Даниловым монастырем, по П. М. Строеву, с 1637 г. по 14 марта 1639 г. (С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 667; Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1. С. 344 (Сб. РИО; Т. 60)), по А. И. Свирелину — в 1637—1642 гг. (С в и р е л и н А. И. 1) Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 86; 2) О начале. . . С. 83); иных биографических сведений о нем не сохранилось. В Слове рассказывается о видении,

бывшем сыну боярскому Алексею Андрееву Юрьеву, который пришел помолиться ко гробу Даниила Переяславского и узрел преподобного лежащим поверх раки. Записку («написание») об этом видении Алексей Юрьев «предаде архимандриту Иосифу»; однако в старшем списке Слова (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 301) читается «предаде ми», из чего С. И. Смирнов резонно заключил, что И. и является автором рассказа. В рукописях Слово предваряет Повесть о обретении мощей Даниила Переяславского.

Соч.: Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. 81—82.

Лит.: Свириелин А. И. 1) О начале и устройении Переславского Давилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 83; 2) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переславского чудотворца. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894. С. 52—53.

Д. М. Буланин

Иосиф (вторая половина XVII—начало XVIII в.) — игумен Угрешского Николаевского монастыря (1688—1691), архимандрит Спасо-Ярославского монастыря (1691—1699), а в 1700—1709 гг. архимандрит Иоанно-Предтечева Краснослободского Темникова монастыря, автор духовного завещания, владелец обширной келейной библиотеки. На полях своих книг он составил владельческие биографические записи, а около 1704 г. составил пространное духовное завещание, которое вписал на полях цельногравированной Библии Пискатора (сохранились разрозненные листы в двух хранилищах: Ветхий Завет — в ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № 125027—125159, всего 133 л.; Новый Завет — в ГБЛ, ф. 722, № 93, 176 л.). В этом завещании, сохранившемся не полностью, перечислены земельные угодья, различное имущество, в том числе колокола, церковная утварь, облачения, иконы, книги и др.

Значительную часть библиотеки И. составляют книги богослужебные: «12 книг печатных месячных миней», «охтай, треоди посная, цветная, печатная же», «требники киевский . . . московский». Названы «Ефрем со аввою, Лествица, Кормчая, Сборник, Маргарит, Благовестник. . . Апостольския беседы . . . Библия четья печатная». Среди рукописей — «Зерцало Великое, Гранограф, Пандект. . . Звезда пресветлая. . . Многоценной бисер, два Алфавита» и др. Судя по записям, И. приобретал книги: например, у ярославца, посадского человека Васки Перфильева он купил в июне 1695 г. два Хронографа XVII в. (ныне в ГИМ, собр. Уварова, № 1347 (7) и 1368 (8)). В том же году была приобретена в церковную книгохранилищницу Толковая псалтирь, переписанная в Москве в 1676 г. (Ярославский музей-заповедник, № 918 (304)). Библиотеки и их судьбы интересовали И., судя по биографическому сообщению в духовном завещании: «. . . видех в степенных монастырех писемныя книги соблюдаем более семисот лет в целости достойно. . .». В духе строгой бережливости высказывался И. в своих записях на книгах — например, на рукописи Тактикона Никона Черногорца (конец XVII в.) (Киев, ЦНБ АН УССР, собр. Макария, № 14 и 15 (Аа 178 и 179)): «. . . а из сея церкви всех моих прикладных книг в дома мирския не давать и по кельям чернецам не давать же книг, занеже мирския люди брали книги и много за ними книг пропало, а чернецы крали книги и уносили. . .» (запись цит. по: Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896. С. 5; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. М., 1970. С. 78). Еще более решительно И. запрещал в своем духовном завещании давать книги «детем в научение», «робятам во училище». Интерес И. к отечественной истории проявился в затребовании из Владимира «железной стрелы великого князя Андрея Боголюбского», которая, судя по сообщению ярославского Хронографа с дополнениями (ГПБ, F.IV. 679, 1720 г., л. 646), была прислана в Спас-

ский Ярославский монастырь в 1695 г. Ряд книг из библиотеки И. сохранился в Ярославском музее-заповеднике.

Соч.: Сакович А. Г. 1) Неизвестный экземпляр Библии Пискатора из собрания ГМИИ // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы Гос. музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина за 1980 год. М., 1981. С. 15—17. 2) Библия Пискатора и ее владелец. В печати.

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 205, 337; 2) Словарь. С. 354; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1886 год. СПб., 1888. С. 149—164; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1891. Вып. 1. С. 26; Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 34—37, 56—60, № 1347 (7), 1368 (8); Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 168, № 93; Выставка новых поступлений 1970—1980 гг.: Каталог (ГМИИ им. А. С. Пушкина). М., 1982. С. 119, 184; Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. 1692—1696. М., 1983. С. 41.

О. А. Белоброва

Иосиф (середина XVI—начало XVII в.) — монах, келейник патриарха *Иова*, один из авторов Истории о разорении русском. Может быть отождествлен с Иосифом Траханиотовым, присутствовавшим в марте 1604 г. на приеме Иовом грузинских послов (см.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 407). Согласно кормленной книге Галицкой четверти 1603—1604 гг. этот старец Чудова монастыря (являвшегося патриаршей резиденцией) получил деньги за своего родного брата Никифора Васильева сына и поручился за племянника Семена Никифорова сына Траханиотова (см.: Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604—1617). М., 1912. С. 5). Судя по документам и родословцам, на светском поприще И. выступал как Иван Васильев сын Траханиотов. Старший сын боярина Василия Юрьевича Малого Траханиота, одного из руководителей земской думы в начале опричнины, он упоминается в источниках с осени 1576 г., когда был назначен головой в поход к Кольвани. Из разрядных книг известно, что в апреле 1577 г. И. как земский дворянин посылался для сбора ратных людей в Обонежскую пятину Новгородского уезда. Назначенный спустя месяц вторым воеводой передового полка в Калуге, он вступил в местнический спор с князем В. Д. Хилковым, чем вызвал «кручину» *Ивана IV*. В конце его царствования И. был наместником в Стародубе. В феврале 1585 г. он стал казначеем, причем в перечнях «начальствующих» Казенного двора неизменно называется первым. По А. А. Зимину, в 1589 г. И. являлся также думным дворянином (Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 199), но это указание не подтверждается источниками. И. принимал участие в возведении *Иова* на патриарший престол, приемах иноземных послов, походе 1590 г. против шведов в Прибалтику (ГПБ, собр. Эрмитажное, № 390, л. 736). В 1591—1592 гг. выполнял дипломатическую миссию в Крыму. Совместно с братом Никифором владел землями в Подмосковье (см.: Павлов-Сильванский В. Б. Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 242, 247). Вероятно, в 1594 г. подвергся опале и был отправлен на воеводство в город Лозву в Сибирь, где оставался до весны 1598 г. Сохранилась одна отписка И. пелымскому воеводе П. М. Шаховскому, в которой находим пример рифмованной прозы (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 149—150; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 377—378). В сибирском летописном своде конца XVII в. говорится об основании И. Верхотурья и его воеводстве там (Книга записная. Томск, 1973. С. 7), но это известие опровергается документами. И. подписал Утвержденную грамоту об избрании *Бориса Годунова* на трон, в которой значится среди участников Земского собора

1598 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 50). В 1600—1601 гг. он являлся «объезжим головой» в Китай-городе. Вскоре после этого постригся в монахи, по-видимому, в Чудовом монастыре, с которым Траханиоты были связаны с конца XV в. (в синодике этой обители имя И. появилось еще до того, как он стал иноком; см.: ГПБ, F.IV.194, л. 74 об.). И. не последовал за Иовом в старицкий Успенский монастырь, но, будучи известен особой близостью к опальному патриарху, вероятно, в 1605 г. был выслан из Москвы. Не исключено, что из-под пера И. вышла «*Повесть, како отомсти*» (ее автор — троцкий монах, ранее принадлежавший к кремлевскому духовенству). Как и в «Истории Иосифа о разорении русском», в этой повести подчеркнуто коварство Бориса Годунова, отмечено, что никто не знает, сколько людей он погубил, сообщается о расправе Лжедмитрия I с его семьей (Т а т и щ е в В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 367, 385; Б у г а н о в В. И., К о р е ц к и й В. И., С т а н и с л а в с к и й А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 242, 243). В «Повести, како отомсти» приведены и оригинальные сведения о скитаниях Григория Отрепьева по провинциальным обителям, быть может, восходящие к материалам патриаршего розыска 1604—1605 гг. В таком случае допустимо полагать, что при Самозванце И. оказался в Троице-Сергиевом монастыре, а после воцарения Шуйского вернулся в Чудов монастырь. По предположению В. И. Корецкого, он занимался летописанием в окружении *Гермогена*. Возможно, И. умер не ранее весны 1613 г., ибо в татищевском списке текст Истории обрывался на описании воцарения *Михаила Федоровича*. Согласно родословцам И. имел сына Даниила, который в других источниках не упоминается.

Лит.: Т а т и щ е в В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 84; К о р е ц к и й В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 251—252, 259, 284; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 36, 114, 229.

Я. Г. Солодкин

Иосиф Афанасьев (XVII в.) — выученик Типографского училища (Верхней школы) в Москве 1680-х гг., обучавшийся у братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* греческому языку и риторике, автор «ораций» и переводчик. Еще в ученические годы И. А. вместе с сотоварищами (*Федором Поликарповым*, *Николаем Головиным*, Алексеем Барсовым, *Федотом Агеевым* и монахом Иовом) составлял приветствия — «орации» патриарху *Иоакиму* (1689) и патриарху *Адриану* (1691). В том же 1691 г. И. А. в числе других учеников Лихудов выполнял перевод с новогреческого двух полемических сочинений. Это «Егхейридион, сиречь Сечиво или Мечец, посещающий калвинское умовредие» и «Опровержения калвинских глав» (иначе: «Противоглаголения на изложенное исповедание христианской веры») Мелетия Сирига, критского иеромонаха (ум. в 1662 г.). Этот ученический перевод сохранился в черновом экземпляре с инициалами каждого из переводчиков на начальных листах тетрадей и с правкой *Евфимия Чудовского* (ГИМ, Синодальное собр., № 158). «Орации» и переводы И. А. не опубликованы.

Лит.: С м е н ц о в с к и й М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 64, 72, 82, 232; С о б о л е в с к и й. Переводная литература. С. 351.

О. А. Белоброва

Иосиф Владимиров (XVII в.) — иконописец из Ярославля, с 1640-х по 1660-е гг. работавший в Москве, автор Послания *Симону Ушакову*. И. В. участвовал в выполнении стенной живописи Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля и храмов Ростова Великого. Он

писал иконы для церкви св. Троицы в Никитниках в Москве (сохранилась икона «Сшествие св. Духа на апостолов» с подписью автора в виде клейма на обороте) и для Покровского собора. И. В. расписывал знамена в Оружейной палате. В 1660—1664 гг. он трудился на Московском Печатном дворе в качестве знаменщика (рисовальщика). В составе Сийского иконописного подлинника XVII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, F.88, л. 92) сохранилась прорись с изображением «Нерукотворного Спаса» с упоминанием в польской надписи имени И. В., «зографа, москвитя». Этот рисунок И. В. был издан в Вене в 1663 г. в виде листка. Е. С. Овчинникова и А. И. Рогов установили, что в Москве И. В. общался с австрийским художником Пюннманом, сопровождавшим посольство Адама Олеария. Е. С. Овчинникова приписывает И. В. рисунок плана Москвы, включенный в гравированную старцем Зосимой композицию титульного листа к московской печатной Библии 1663 г. В 1897 г. Н. П. Лихачевым были выявлены иконы XVII в. с поддельными подписями «государева изографа» И. В. В научной литературе И. В. иногда называют учеником Симона Ушакова, в то время как он был его современником, другом и единомышленником. Царскому изографу Симону Ушакову адресовал И. В. свое Послание — своеобразный трактат по искусству. Долгое время написание трактата относили к 1660-м гг.; А. А. Салтыков убедительно уточнил датировку — 1656—1658 гг. Это сочинение И. В., полностью опубликованное Е. С. Овчинниковой в 1964 г., дошло в 5 списках XVII—XIX вв. Оно состоит из двух частей. Одна посвящена обзору взглядов на искусство, почерпнутых из авторитетных источников (патристики, Священного Писания, грамматических трудов, сочинений о почитании икон и др.). В другой части излагается спор И. В. с сербским архидиаконом Плешковичем, осуждавшим новое западное направление иконописи Москвы XVII в. И. В. в своем трактате выдвигает понятие «живоподобия» и внешней (плотской) красоты; он пишет о портретах царских особ и о «персонографии», допуская письмо с натуры. И. В. подвергает резкому осуждению иконы ремесленного уровня («плошье»), написанные в селах Шуге, Палехе, Холуге, зато хвалит некоторые западные образцы живописи и методы обучения мастеров западного толка. Цитируемые И. В. источники свидетельствуют о начитанности и образованности автора и о его западной («латынской») ориентации. Значение Послания И. В. в том, что это сочинение является одним из первых эстетических трактатов XVII в.

Соч.: Б у с л а е в. Историческая христоматия. Стб. 1450—1454 (отрывки); Мастера искусства об искусстве. М.; Л., 1937. Т. 4. С. 19—26 (отрывки); 2-е изд. М.; Л., 1969. Т. 6. С. 31—44; История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. С. 441—454 (в пер. на соврем. рус. яз.); О в ч и н н и к о в а Е. С. Иосиф Владимиров: Трактат об искусстве // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 9—61 (по списку ГИМ, собр. Уварова, № 915, с разночтениями по другим спискам).
Лит.: Са х а р о в И. П. Исследования о русском иконописании. СПб., 1849. Кн. 2. С. 63; За б е л и н И. Е. Материалы для истории русской иконописи // ВОИДР. М., 1850. Кн. 7. С. 8, 13, 24, 27; Р о в и н с к и й Д. А. История русских школ иконописания до конца XVII в. // Зап. Рус. Археолог. о-ва. СПб., 1856. Т. 8. С. 1—196 (переиздано под названием: Р о в и н с к и й Д. А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. СПб., 1903. С. 8, 51, 126, 127, 141); Б у с л а е в Ф. И. Русская эстетика XVII века // Б у с л а е в Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 397—408 (переиздано в кн.: Сочинения Ф. И. Буслаева. СПб., 1910. Т. 2. С. 423—424); Р у м я н ц е в В. Е. Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе в XVI и XVII столетиях. М., 1870. С. 19; Ф и л и м о н о в Г. Д. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства. М., 1873. С. 67—68, 80—83; С о б к о Н. П. Словарь русских художников. СПб., 1895. Т. 2, вып. 1. Стб. 527; П о к р о в с к и й Н. В. Сийский иконописный подлинник. СПб., 1896. Вып. 2. С. 51—52 (ПДПИ. Вып. 113); Л и х а ч е в Н. П. Царский «изограф» Иосиф и его иконы. СПб., 1897; Д м и т р и е в Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 97—116; Р о б и н с о н А. Н. Идеология и внешность: (Взгляды Аввакума на избразительное искусство) // Там же. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 353—381; О в ч и н н и к о в а Е. С. Загадочные монограммы: (О художественном творчестве Иосифа Влади-

мирова) // Русская литература рубежа двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 247—263; Салтыков А. А. Эстетические взгляды Иосифа Владимировича (по «Посланию к Симону Ушакову») // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 271—288.

О. А. Белоброва

Исаак (в миру Иван Дмитриевич Мокринский) (ум. 1724) — архимандрит Далматовского Успенского монастыря, автор Известия об основании Далматовского монастыря и нескольких челобитных. Отец И. Дмитрий Иванович Мокринский (в иночестве Далмат), происходивший из рода тобольских служилых людей, принял постриг в невянском Богоявленском монастыре, а в 1644 г., прибрав обманным путем владения татарского мурзы Илигея, основал на р. Исети Успенскую Далматовскую пустынь, превратившуюся впоследствии в один из крупнейших в Зауралье монастырей. В отличие от этой версии, изложенной в составленном И. Известии, В. Н. Татищев на основании каких-то недостоверных слухов сообщает, что Далмат в миру был священником Демианом, который, впад в раскол, ушел в пустынь, где прожил 10 лет, после чего был обращен в православие тобольским архиереем и, узнав о смерти жены, принял монашество (Татищев В. Н. Избранные произведения. С. 252).

И., служивший в Тобольске, овдовев, около 1650 г. постригся в основанном отцом монастыре, более 10 лет исполнял здесь обязанности чтеца, в 1666 г. стал иеромонахом, а через год — игуменом. Вместо него чтецом в монастыре был назначен его духовный сын Афанасий (будущий архиепископ Холмогорский и Важеский). Около 1668—1669 гг. И., очевидно за связь с раскольниками, был отстранен от игуменства и лишь в 1675 г. назначен строителем монастыря с разрешением совершать некоторые службы и принимать на исповедь духовных детей. В августе 1677 г. он вновь попал в опалу и вместе с Афанасием, являвшимся тогда игуменом, был сослан «за церковные вины» в Енисейский Спасский монастырь, откуда оба они через год были возвращены. И. опять назначили игуменом, но без права вести службу и принимать на исповедь мирян. В 1682 г. он по распоряжению тобольского митрополита Павла принимает участие в «увещевании» собравшихся в Утяцкой слободе раскольников, но безуспешно: в декабре того же года здесь произошло массовое самосожжение (ГБЛ, ф. 173, собр. МДА. 1, № 628, л. 141—142). В 1685 г. с И. окончательно снимают все запрещения, но при условии, «чтоб расколов никаких не творил» (см.: Кривошеко в А. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1914. № 5. С. 210). Слухи о тайной принадлежности И. к расколу отразил донос далматовского постриженника, бывшего игумена невянского Богоявленского монастыря Евсевия Леонова, написанный уже после смерти архимандрита, где, в частности, говорится, что И. «расколник, под видом благочестия прикрывшийся, и злолихоимец и грабитель, а отец того И. Долмат, которой заводил монастырь, был злой расколник и святые тайн не приобщался, так и душу свою без покаяния, удаляясь от святых церкви, изверже», как, впрочем, и его сын И., выплюнувший перед смертью святое причастие, чему свидетелем якобы был сам Леонов (ЦГИА, ф. 796, оп. 7, № 40, л. 91, об.—92).

В 1702 г. в связи с проводимой в Сибири централизацией церковного управления И. был поставлен в архимандриты, а в его подчинении помимо Далматовского оказались Тюменский Преображенский, Рафайлов, Николаевский Верхотурский, а позднее и Невьянский Богоявленский монастыри.

И. оставил заметный след в истории Далматовского монастыря. При нем велось широкое каменное строительство, расширились земельные владения, значительно увеличилась монастырская библиотека, куда он сам давал книжные вклады. По сообщению В. Н. Татищева, впервые побывавшего в Далматовском монастыре в 1721 г., И. был владельцем уникальной рукописи — Летописца Тобольского ротмистра Станкевича, скопи-

рованного историком и использовавшегося им в своих сочинениях (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 20. Л., 1968. Т. 7. С. 438). После смерти И. оригинал Летописца попал в монастырскую книгохранилищу, откуда его в 1736 г. увез В. Н. Татищев и передал в числе других своих книг в библиотеку Екатеринбургской горной школы. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно. Татищевская копия, очевидно, погибла в 1750 г. (см.: Манькова И. Л., Шашков А. Т. Летопись ротмистра Станкевича и В. Н. Татищева // Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII—начало XX в.: Материалы регион. науч. конф. Свердловск, 1983. С. 155—157).

Известие об основании Далматовского монастыря (сохранилось в копии XVIII в. — ГИМ, Синодальное собр., № 843, л. 1—2) было написано И. между 1708 и 1711 гг. в связи с сильным пожаром, уничтожившим часть монастырского архива, и имело своей целью обоснование и подтверждение прав монастыря на земельные владения, поэтому в произведении логически выделяются две части: 1) подробный рассказ о старце Далмате и об основании им монастыря и 2) перечень и краткая характеристика производившихся правительством переписей монастырских земель. Относясь в целом к жанру исторической повести, Известие вместе с тем испытало на себе сильное влияние агиографического канона.

Челобитные, составлявшиеся И. на имя царей по разным поводам, имеют в своей начальной части довольно устойчивый элемент — краткий очерк истории Далматовского монастыря, где акцент делается на бедствиях и трудностях, которые выпали на долю монастырской братии.

Соч.: Тихомиров Н. И. К истории Далматовского монастыря // ЧОИДР. М., 1886. Кн. 4, отд. 5. С. 18—24 (челобитная И. 1679 г. на имя царя Федора Алексеевича о пожаловании монастырю книг).

Лит.: Самойлов Н. Историческое описание Далматовского Успенского монастыря. М., 1830; Шишонко В. Пермская летопись с 1263—1881 г. Пермь, 1885. Пятый период: С 1682—1725 г. С. 119—120; Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8. С. 103—107; Плотинов Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. 4-е изд. Екатеринбург, 1906; Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 9—14, 20—22; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание рукописей А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 44, 133; Татищев В. Н. Избранные произведения. М., 1979. С. 252—253; Гузнер И. А. Книжное собрание В. Н. Татищева в составе библиотеки Екатеринбургской горной школы // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 164; Манькова И. Л., Шашков А. Т. Библиотека Далматовского монастыря в XVII—первой четверти XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 47—56.

И. Л. Манькова, А. Т. Шашков

Исидор (середина XVI в.—10 IV 1619) — митрополит Новгородский и Великолукский, автор поучения, грамот и писем, библиофил. Происхождение И. неизвестно. Согласно «данной» А. П. Клепнина в Троице-Сергиев монастырь в 1593—1594 гг. являлся келарем этой обители (см.: Шумakov С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1. С. 111; ГБЛ, ф. 303, № 539, л. 77). По записи на списке *Жития Сергия Радонежского*, принадлежавшем *Авраамии Палицыну*, И. вместе с Палицыным и Илией по распоряжению царя тогда же был переведен в Троицу из Соловецкого монастыря (см.: Летописец Соловецкий с 1429 по 1847 год. 4-е изд. М., 1847. С. 70, примеч.). Относительно «старца Авраамия» это известие неверно, Илия же в челобитной на имя Василия Шуйского относил свой перевод в Троицу к 1592—1593 гг. (ГПБ, Соловецкое собр., № 18/1477, л. 196 об.). Возможно, И. стал троицким келарем именно тогда. По-видимому, он был постриженником Соловецкого монастыря и в начале 1590-х гг. занял среди его братии заметное место. В мае 1597 г. И. возвращается в Соловец-

кую обитель в качестве ее игумена (см.: Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 351). Участвовал в работе земского собора, избравшего *Бориса Годунова* на трон (ААЭ. Т. 2. С. 42; ЧОИДР, 1912. Кн. 2. Смесь. С. 40). 6 февраля 1603 г. в Москве «рукою» патриарха *Иова* хиротонисан в митрополиты новгородские и великолукские, причем, как подчеркнуто в кратком летописце новгородских владык, «избрал его на митрополию сам . . . царь и великий князь Борис Федорович» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 150; ср. с. 351). В апреле 1604 г. приводил к присяге на верность новому царю Федору Борисовичу армию под Кромами, сражавшуюся с войсками Самозванца (РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 40; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 64). 1 июня 1606 г., во время «междупатриаршества», венчал на царство Василия Шуйского, а затем участвовал в церемонии поставления на патриарший престол *Гермогена* (ААЭ. Т. 2. С. 104—106; Творения святителя Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 105, 106). По сообщениям В. Н. Татищева, И. «очень дружно жил» со вторым новгородским воеводой М. И. Татищевым и в 1608 г., когда тот вместе с М. В. Скопиным-Шуйским бежал из города, упросил новгородцев обратиться к ним с «молением» о возвращении (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 324—325; ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 85). Вслед за П. Г. Любомировым, однако, нельзя говорить, что И. «усмирил мятеж в Новгороде» (см.: Русская энциклопедия. СПб., Б. г. Т. 9. С. 71). Во время штурма Новгорода шведами (16 июля 1611 г.) устроил крестный ход. По свидетельству *Летописца Нового*, И. стоял «на градской стене, поя молебны»; увидев же «крепкое стоятельство» софийского протопопа Амоса, бывшего тогда у него «в запрещении», «прости и благослови его за очи, зря на двор его» (ПСРЛ. Т. 14. С. 114; Новгородские летописи. С. 353). Вскоре И. вместе с воеводой И. Н. Большим Одоевским сдал Кремль шведскому военачальнику Я. П. Делагарди и подписал с ним договор о приглашении «на Новгородское государство, также, буде похотят, на Владимирское и на Московское государство, государем царем и великим князем всея Руси» одного из шведских королевичей. В период шведской оккупации Новгорода (1611—1617) И., входя в состав местной русской администрации, участвовал в переговорах об избрании на престол «Новгородского государства» Густава Адольфа, а затем Карла Филиппа. С И. поддерживало связи руководство Второго ополчения, «земские власти» известили его об освобождении Москвы в 1612 г. (ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 285—294). В связи с тем что шведский принц не торопился в Новгород, а оккупанты чинили там грабежи и насилия, не останавливаясь и перед разорением церквей и монастырей, И. склонился к мысли о необходимости признания власти московского государя. В царской грамоте новгородцам, составленной по случаю заключения Столбовского мира со Швецией, дается высокая оценка «паству» И., он был приглашен в Москву «царские очи видети» (АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 453—455). При освобождении Новгорода И. устроил крестный ход, он встречал прибывших туда из Столбова русских послов (Новгородские летописи. С. 445—446; РИБ. Т. 13. Стб. 134); вероятно, вскоре после этого побывал в Москве. Считается, что И. просил *Михаила Федоровича* отпустить его «на покой» в Соловецкий монастырь. Вызванный царем в столицу (возможно, в связи с приездом в Россию иерусалимского патриарха Феофана), И. умер там на Соловецком подворье; по завещанию погребен в новгородском Софийском соборе.

И. принадлежит сочинение «Новопоставленному иерею на поучение себе и своим детям духовным», написанное в традициях учительного красноречия (ГБЛ, собр. Большакова, № 318, л. 273—280). Им (или в его канцелярии) составлены грамота в Соловецкий монастырь, разоблачающая Лжедмитрия I (январь 1605 г.; видимо, этот документ основан на материалах патриаршего розыска о Самозванце), грамоты о наделении

землей митрополичьих приказных (так называемые поместные) и о сборе «софийской дани», грамота о молитве за царя Василия по поводу победы над восставшими в 1607 г., включающая послание Гермогена. В известном Строгановском сборнике начала XVII в. находим грамоту И. в Ярославль, призывающую власти Второго ополчения избрать на русский престол шведского королевича (ГПБ, О. IV. 17, л. 487 об.—492; остается неопубликованной). В сохранившихся письмах И. идет речь о его вкладах в Соловецкий монастырь. От имени И. и других «чинов» «Новгородского государства» составлены челобитная шведскому королю Густаву Адольфу и грамота Михаилу Федоровичу (см.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 43—47; Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. 2. С. 73—82).

По признанию *Ивана Тимофеева*, его «Временник» написан «повелением» И.: тот «начати принуди (дьяка. — Я. С.) иже богонаказательных в Рустей земли вещей», отклонив возражения «списателя» (Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 149—150, 326—327; ср. с. 433). Однако подобно В. О. Ключевскому нельзя полагать, будто И. принадлежит замысел «Временника» (Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 443); вероятно, митрополит знал о литературных занятиях Тимофеева, начавшихся гораздо раньше окончания шведского «плена», и предложил ему объединить разрозненные заметки, уделив в своем труде особое место судьбе Новгорода в годы Смуты.

И. известен щедрыми вкладами в Соловецкий монастырь. Помимо денег и «рухляди» он прислал туда немало книг. По подсчету А. И. Лилова, владельческие записи И. имеются в семи рукописях соловецкой библиотеки; очевидно, он передал в близкую ему обитель и ряд других книг. Среди оказавшихся на Соловках рукописей И. — два Евангелия, Псалтирь, Лествица толковая, три Триоди, Круг миротворный, Требник, Стихирарь, *Житие Иоанна*, а также Евфимия и Ионы, новгородских архиепископов, сборник, содержащий *Житие Иоанна Златоуста*, послание *Сильвестра* князю А. Б. Горбатову и другие произведения (см.: Кукушкин М. В. Собрания книг, поступившие в Соловецкую библиотеку в виде вкладов // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 83, 85; ЛОИИ, к. 2, № 137, л. 140, 150, 155; № 141, л. 147 об., 154 об., 161, 169 и др.). И. был владельцем чина коронации Бориса Годунова (ГПБ, Соловецкое собр., № 1184/1294 — по записи на рукописи ее следовало «положить в Софийском доме»), а также экземпляра первопечатного Апостола (см.: Немовский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 271, 276).

Соч.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 588—591; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 81—84; Досифей (Немчинов). Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 3. С. 198—214; АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 112—113, 221—222, 340—341, 372—373, 397—398.

Лит.: Досифей (Немчинов). Географическое, историческое и статистическое описание. . . М., 1836. Ч. 1. С. 95—96; (Лиллов А. И.) Библиотека Соловецкого монастыря // ПС. 1859. Ч. 1. Февраль. С. 200—201; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36, 816; РБС. СПб., 1897. Т. 8. С. 148—149; ПБЭ. Пг., 1904. Т. 5. Стб. 1070—1071; Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 г.). Юрьев, 1913.

Я. Г. Солодкин

Кашиевский Петр (вторая половина XVII в.) — поступивший в русскую службу выходец из Польши, ротмистр рейтарского отряда, расквартированного в Симбирске (по снятии осады Степана Разина), переводчик трех книг прозаических басен: Эзопа, Бабрия и Абстемия (1675) — собрания, превзошедшего по составу как переводы Ф. Гозвинского и А. Вiniusа вместе взятые, так и любое из печатных изданий этого жанра в России

вплоть до 20-х гг. XIX в. Оригинал перевода — отмеченное социальными и политическими идеями польского Ренессанса краковское издание «Przypowieści Aezopowe, z Łacińskiego na Polskie z pilnością przełożone. Przydane są k temu przypowieści z Gabryela Greka y Laurenthego Abstemiusa» (примерно 1600 г.), из 339 басен которого К. отобрал и перевел 260.

Естественно, что в силу идейно-политических и философско-религиозных различий польских и русских государственных и теологических доктрин подобное предприятие требовало сугубой осторожности и многих перемен и исправлений от переводчика, если он вообще рассчитывал на свободное обращение своего перевода, так что в тексте К. опущена едва не четверть басен оригинала и переработаны десятки других, предосудительно ассоциировавшихся с внутренней или внешней политикой московского государства. Опускались басни антиклерикального порядка, а также с античными мифологическими сюжетами, если их не удавалось приноровить к православному миропониманию; снимались рассказы скабрезно-эротического, неблагочинного толка. Вместе с тем заострялось внимание к социальным вопросам — и ряд фабул отвергнут как раз потому, что не отвечал социальным или нравственным представлениям К. Но тем самым русский перевод обрел приметно большее внутреннее единство, нежели его польский источник.

Многokrатно и в разнообразных связях звучит осуждение социального угнетения и правовой несправедливости как неизбежного следствия имущественного неравенства в мире, отравленном всеобщей алчностью, стяжательством, завистью и сословной спесью, чванством и лакейской угодливостью, равно как корыстной лживостью, несоответствием слова и дела и поголовной готовностью к лжесвидетельству и обману. Человеческая природа неизменна: носители зла — деятельны, агрессивны и неискоренимы, а бытие превратно. Отсюда мотивы неуверенности в будущем, настроения социального консерватизма и практицизма, подозрительность и недоверие к новшествам, настойчивые побуждения к предосторожности, призывы к смиренной умеренности, терпению, довольству малым и тем, что есть, наставления держаться своего сословного круга, не искать покровительства и не полагаться на поддержку сильнейших и тем более остерегаться конфликтов с ними, а также быть осмотрительным в друзьях и не принимать личину за сущность.

Соответственно представляется и шкала социальных и нравственных ценностей, в основе которых — доброе учение, честное ремесло, усердный труд, а также верность долгу, умение постоять за себя, справедливость и сострадание к слабейшим. Высшее же из благ — независимость человека, независимость как от вельможного произвола, так и от собственных соблазнов и прежде всего — соблазна стяжательства и тщеславия.

Позициям здравого смысла отвечают и повествовательно-художественные предпочтения К., неизменно придерживающегося трезвой действительности, ее реальных зависимостей и отношений. Из перевода устраняется все не соответствующее повседневному опыту, несообразное, ухищренное, будь то хотя бы самые знаменитые сюжеты вроде басни о двух недругах на тонущем корабле, из которых одного вполне утешает сознание, что другой захлебнется несколькими минутами прежде, или басни о хозяине, пересаживающем отягченную плодами старую яблоню под свои окна, и прочие подобные потешки. При всей условности жанровых ситуаций и масок они выступают у К. только как знаки аллегории, но не гипертрофированной карикатуры. И гротеск, и карикатура равно претят К. Отвергаются также басни, весь эффект которых в находчивой игре слов, неожиданном пуанте, никак, разумеется, не разрешающем реальной жизненной коллизии, типа басни о холопе, утаившем от пана сердце забитого кабана и уверявшем, что у столь глупого животного сердца и не могло быть, и т. п. Шутовской юмор не забавляет симбирского ротмистра. Напротив, бережно сохраняются басни, где ловкие отговорки

и паясничанье резко осуждаются, а то и боком выходят его затейникам. Не передаются надуманные этиологические сюжеты типа басни о нетопыре, чайке и репейнике, как и басни с нестаточными конфликтами.

Из текста переведенных басен решительно устраняются гротескные порождения художественной фантазии, вроде кульминационного финала притчи «О лакомом и завидливом» — просьбы завистника к богу лишить его одного глаза, лишь бы конкурент потерял оба. Частные же несообразности выправляются по ходу рассказа.

Не тешит К. читателя и заботами об особой занимательности и «художественности» повествования, сжимая фабулу до конфликтного ядра, — лишь бы его достало для нравственного заключения. Ужимаются контексты с любыми формами чужой речи, сокращаются и даже снимаются композиционные повторения, опускаются несущественные для конфликта детали и вообще то, что естественно подсказывается представлениями и опытом читателя.

Возрастает плотность повествования и полновесность фразы: местоимения вытесняются полнозначными словами, из определений предпочтаются лишь простые количественные акценты; отвлеченные суждения замещаются бытовой идиомой, поговоркой; психологические мотивы и побуждения персонажей — поступком.

Но все это изменения в басенном рассказе, тогда как в составе предложений преобладают трансформации уточняющего или существенно дополняющего, а также модального характера, начиная от этической коррекции польского оригинала и до полного изменения его толкований. Здесь К. не отказывает себе в праве на собственное слово, нередко совершенно отличное от текста источника. В простейших случаях это включение нравственной оценки там, где оригинал ограничивался житейским или социальным обыкновением. Заостряются прежние оценки. Нравственные наставления подкрепляются соображениями причинно-целевого и вообще экспрессивно-обосновывающего порядка, оценочными сравнениями, антитезами, остро направленными вопросами и т. п. Иными, далеко не всегда соответствующими оригиналу предстают экспрессивные формы морализации — энергия, динамизм и модально-психологическая окрашенность суждений, напряженно-категоричных, предостерегающих, требующих, императивных. Нарастают обобщенно-личные формы адресации к читателю. Вместе с тем все надуманное, парадоксальное замещается простым и очевидным. Какая-либо недосказанность, даже восполняемая отсылкой к сюжету басни, заменяется исчерпывающим и законченным выводом из этой басни. Всякая двойственность, альтернативная неопределенность снимается в пользу однозначных и непреложных формул. Вероятное или предполагаемое трансформируется в действительное и очевидное. И если обыкновение оборачивалось его оценкой, то обвинение становится приговором.

Самое же характерное то, что эту непрерываемую категоричность настойчиво пронизывают социальные мотивы. Всеобщие, отвлеченно-безусловные ценности переводятся в сопоставление, а то и поляризацию этих ценностей в условиях социального контекста. Смещается морально-этическая призма оценок: на место психологического, «всечеловеческого» становится социально обусловленное и сословно характеризующее. И пусть оригинал уверяет, что «когда бедняк видит большую нужду другого, тогда ему и свои лишения милее сносить и принимать», К. переводит иначе: «. . . когда бедный и нужный человек видит большую инаво, нежели свою, нужу, такожде ему в нужи ховет пособити, аки и самый себе». Но главное — сменяются источники, критерии и субъекты оценки, которая, по К., предопределяется отнюдь не очевидностью факта и тем более не аргументами индивидуума, но социумом. Там, где польский текст полагает, что, «если кто может что показать делом, — и что ему до свидетелей?» — К. уверен: «. . . когда кого похвалят люди, сам себе никако похвалы прибавить не может». Там же, где оригинал занят выяснением психологиче-

ских мотивов поведения, К. может вообще не интересоваться поведением как таковое: он утверждает только неизбежную обоснованность, а потому и непреложность социальной оценки. Наконец, в экспрессивном преломлении повествовательного материала явственно различаются собственный голос, а подчас и судьба симбирского ротмистра.

К. не был ни профессиональным переводчиком, стремившимся к старательной передаче оригинала, ни особенно образованным человеком. Он — носитель смешанного польско-русского двуязычия при исходной польской основе, так что в раннем списке его перевода (ГПБ, Q.XV.16, с владельческой записью 1684 г.) нетрудно набрать не одну сотню примеров польских грамматических форм и конструкций, а в словнике — более сотни лексических полонизмов. И тем не менее К. не отказать в несомненном литературном даровании. Но стремительность и краткость его басенного рассказа не обычна ни для русских повествовательных традиций, ни для практики московских переводов, так что усилия последующих переписчиков оказались направлены не столько на изгнание полонизмов, сколько на придание тексту К. привычной нарративной обстоятельности и художественной аранжировки, что весьма приметно во втором и последнем известном списке этого перевода (ГПБ, собр. Колобова, № 607, первой трети XVIII в.). Однако для завершения этого процесса не оставалось исторического времени. В судьбы прозаической басни вторгается печатный станок, тиражирующий уже и новые переводы, и с той или иной избирательностью прежние, допетровские, и даже питающий рукописное бытование жанра. В XVIII в. списки с печатных изданий прозаической басни встречаются много чаще, нежели с рукописных протографов. Но доступ к печатному станку для лингвистически неустроенного текста К. был закрыт.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858. С. 172—173; Андрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // ИОРЯС. 1929. Т. 2, кн. 2. С. 377—400; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 411—412; Тарковский Р. Б. 1) Басня в России XVII—начала XVIII века // Науч. докл. высшей школы: Филол. науки. 1966. № 3. С. 97—109; 2) Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 15—18, 39—41, 186—190; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 540—541.

Р. Б. Тарковский

Кичигин Иван Несторович (вторая половина XVII в.) — суздальский сын боярский, на протяжении многих лет составлял обширную историческую компиляцию, неутомимо разыскивая для нее новые источники (ГПБ, собр. Погодина, № 1953, 155 л.). В сборник, к работе над которым К. согласно его собственноручной записи (подтверждающейся датировкой бумаги) приступил в феврале 1675 г., вошло прежде всего несколько отредактированное «Избрание вкратце из книги, глаголемая Космографии, еже глаголется описание света». Извлечения из «Степенной новгородской книги Софейского дому, из Рюриковой степени» и из *Летописи Новгородской Уваровской* (от крещения Владимира до 29 января 1676 г. «выписано из новгородского летописца Антоновского монастыря книги»), повесть о Новгородском погроме *Ивана IV*, выписки из *Повести временных лет* с добавлениями и «выписка из летописных книги» за 1544—1587 гг. («Списывано в Новгороде, в Лисе монастыре, в лета 7187 году, месяца октоврия, в 28 день, суздальской архиепископлъ сын боярский Иван Кичигин своими многогрешными руками») составили вторую по времени часть сборника. Третья группа выписок делалась составителем и работавшими по его заданию писцами в 1690—1694 гг. Это извлечение из Синописа (из древней части), анекдоты из жизни Сократа («Написася сия книжица история из римских дей в лета 7199 году, месяца сентеврия, в 14 день» — «выписано из книги Ноетма») и *Повесть о царице и львице* («Списася история сия в лето 7202-го году, месяца июля, дня 11-го»). Кроме того, труд К.

периодически пополнялся отдельными летописными заметками, например подробной записью о казнях «изменников — бояр и думных людей» в Москве в 1682 г. Компилятивная деятельность К., продолжавшаяся почти 20 лет, свидетельствует о возросшем интересе к летописанию низшего слоя русского дворянства в последней четверти XVII в. Труд К. не издан.

Лит.: Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 257—261.

А. П. Богданов

Козырев Иван (середина XVII в.) — новгородский книжник, составитель разъяснений к переводу «Диалектики» Иоанна Дамаскина и автор автобиографической статьи «Увещение о летописце». В этой статье, сохранившейся в трех списках (ГИМ, Синодальное собр., № 933, л. 365—368 об.; ГПБ, собр. Погодина, № 1655, л. 200—201; ГПБ, Q.XVII.118, л. 155—155 об. — ни один из списков не является автографом) и почти целиком напечатанной в работе Д. С. Бабкина (как показала сверка текста — с ошибками), от первого лица подробно рассказывается о трудах К. по растолкованию перевода «Диалектики»; книжник вдумывался в смысл текста, «изъясняя светлость глагол чертами, запятыми и точками, еще же и оглавление наложих по числу цифирных мудрости». Далее К. сообщает о несчастьях, которые обрушились на его голову: «Силными святыми века сего за извещение слова божия предан бых во узы яко злодей и связан железы лютости»; несмотря на эти гонения, он благополучно закончил свою работу.

Свое имя и «порекло» К. скрыл цифирной тайнописью, которой завершается «Увещение» (в сборнике ГПБ, Q.XVII.118 тайнопись попала в другое место — на л. 63); здесь же указано, что он «житель Великаго Новграда» (в Погодинском сборнике — «бывый житель Великаго Новграда»). Указания списков подтверждаются тем, что новгородцы и псковичи с именами Козыря, Козырев известны с XVI в. (см.: Веселовский и С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 148). В начале статьи К. указал дату окончания своего труда: «В лето осмыа тысящи 144 (в Погодинском сборнике — 145. — Т. Б.) слово последнее начав в месяце июлии 28 и скончах, богу помогающе, августа 8»; завершается «Увещение» традиционной просьбой исправлять ошибки. Слова «Увещения» относительно напастей, преследовавших новгородского книжника, которые можно было бы считать топомосом, как оказалось, имеют под собой реальную основу. В. И. Аннушкин прочел часть замаранного текста, который в Синодальном сборнике следовал за тайнописью на л. 369. Здесь, между прочим, говорилось, что К. был «торгового чину человек» и что «за некое дерзновение слова» он был сослан на Соловки, «тамо неколико лет поживе в заточении и сконча. И поведает о нем некий мнозии — хитр бе божественным писанием, украшен внешней философии».

К. не преувеличивал своих заслуг по истолкованию текста «Диалектики»: результаты его труда наглядно видны в списке «Диалектики», который входит в Синодальный сборник и поля которого заполнены киншварными примечаниями (в «Диалектику», входящую в рукопись ГПБ, Q.XVII.118, разъяснения К. не включены; в Погодинском сборнике «Диалектики» вовсе нет, так как это один из «Строевских сборников», л. 200—201 представляют собой в нем самостоятельный фрагмент). Д. С. Бабкин пытался атрибутировать К. создание всего Синодального сборника-конвольюта и считал его автором читающихся в этом сборнике предисловий к «Риторике», приписываемой Новгородскому и Великолукскому митрополиту Макарию, и к «Диалектике». Однако, как выяснилось, предисловия заимствованы тут из «Сказания о семи свободных мудростех». Части Сино-

дальнего сборника, как установил В. И. Аннушкин, соединил под одним переплетом не К., а диакон Артемий Спиридонов; произошло это между 1636 г., когда К. завершил работу над «Диалектикой», и 1679 г., когда сборник продала вдова Артемия.

Соч.: Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 327—328.

Лит.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. 1. С. 998—999; Пруссак А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915. С. 21—22 (ПДПИ; Т. 186); Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2. С. 76—77; Гаврюшин Н. К. «Книга диалектичныя глубины. . .» // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 97—98; Аннушкин В. И. 1) Редакции «Риторик» начала XVII в. // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 237—238; 2) Композиция и терминология первой русской «Риторики» // Риторика и стиль. М., 1984. С. 44—45; Буланина Т. В. Риторика в Древней Руси. Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1985. С. 18.

Т. В. Буланина

Коренев Иоанникий Трофимович (ум. 1680—1681) — теоретик музыки, поэт и, видимо, композитор. А. В. Позднеев ввел в научный обиход духовный кант «Услыши, боже, моления моя, Приими во уши пресвятая твоя. . .», в котором использованы начала и мотивы 60-го псалма, а также христианские темы (земное служение Иисуса Христа, Троица и др.). Кант состоит из 64 стихов (11-сложник, парная рифма). В музыкальном изложении кант имеет куплетную форму, так что и стихотворный текст можно считать строфическим (11 четверостиший). Акrostих: «У всемогущаго бога просящи милости, диакон Аникии скорби, господа поя, писаше». Тожество «диакона Аникии» с Иоанникием Корневым не вызывает сомнений.

По данным В. В. Протопопова (он использовал документы Оружейной палаты — ЦГАДА, ф. 396, № 542, 549), в 1666 г. «у великого государя на сених в соборе Сретения господня» служил «дьячок Аниска». В 1672 г. он из причетников стал «диакonom Аникием». Известно, что Н. П. Дилецкий, самый крупный из барочных теоретиков музыки, автор «Муסיкийской грамматики», работал «во 187 (1679) году в дому диакона Аникия Трофимова, сына Коренева». Главное из сочинений последнего — трактат «Муסיкия», в котором доказываются эстетические преимущества нового гармонического стиля, основанного на мажорном и минорном трезвучии, перед деместивным многоголосием, критикуемым как «несогласное».

Свою «Мусикию» автор предварил стихотворным предисловием с акrostихом «Диакон Аникий Трофимов, сын Коренев» (ГБЛ, ф. 205, отд. 1, № 146). Совмещение занятий музыкой и поэзией — типичное для конца XVII в. явление. Так, и музыку и стихи сочинял Герман, учеником которого, возможно, был К.

Лит.: Муסיкийская грамматика Николая Дилецкого: Посмертный труд С. В. Смоленского, изданный на средства председателя ЛДП С. Д. Шереметева. СПб., 1910. С. 5—6; Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) Песни-акrostихи Германа // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 365; 3) La poésie des chansons russes aux XVIIe et XVIIIe siècles // Revue des études slaves. Paris, 1959. Т. 36, fasc. 1—4. Р. 30; 4) Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 421—422; 5) Просветительство и книжная поэзия конца XVII—начала XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 109; 6) Стихосложение в песенной поэзии XV—XVII веков // Вопросы русской литературы. Львов, 1970. Вып. 3 (15). С. 47, 53; Протопопов В. В. Н. Дилецкий и его русские современники // Памятники русского музыкального искусства. М., 1979. Вып. 7. С. 555—562.

А. М. Панченко, М. А. Салмина

Котов Федот Афанасьевич (первая половина XVII в.) — московский купец, автор «Хожения» из Москвы в Персию в 1623 г. Путь К. на Восток лежал по Волге до Астрахани, затем по Каспийскому морю на Дербент, далее по суше через Шемаху до Исфахана. Обратная дорога проходила через Армению, Турцию и далее на север. К. был подготовлен к поездке на Восток, судя по записям в его отчете персидских, армянских, турецких и грузинских числительных, по уменью переводить меры восточного купечества на русские. Помимо интереса к торговле К. проявил в своем описании наблюдательность к природе, к рекам, горам, морю, к климатическим особенностям восточных краев, к плодородию земли. Подробно описаны своеобразные черты персидской архитектуры, переправы, быт и праздники мусульман, костюмы тюркских и закавказских народов и т. д. Сохранились три списка «Хожения» К. одной редакции, все они опубликованы.

Соч.: Беляев И. Д. «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индею и в Урмуз, где корабли приходят» // ВОИДР. 1852. Кн. 15. С. 1—22; М. П. и й. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. // ИОРЯС. СПб., 1907. Т. 12, кн. 1. С. 67—125; Хождение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н. А. Кузнецовой. М., 1958 (с пер. на рус. яз.).

О. А. Белоброва

Кровкова Агафья Григорьевна (конец XVII в.) — жена стольника, думного дворянина (генерала) Матвея Осиповича Кровкова (ум. 1700), автор 12 писем. Письма К. обращены к Прасковье Андреевне Хованской, жене князя *Петра Ивановича Хованского*, брата *Андрея Ивановича* и сына *Ивана Андреевича Хованских*, казненных правительством царевны *Софьи Алексеевны* 17 сентября 1682 г. Письма К. сохранились в составе архива П. И. Хованского, содержащего кроме писем его и его семьи переписку с родственниками, знакомыми и прислугой. Архив П. И. Хованского был конфискован в 1682 г., после казни его отца и брата, в поисках у него «подметных» противоправительственных писем, и эта дата является нижней границей написания всех писем К.

Темы, затрагиваемые в письмах К., касаются не только повседневного семейного быта и личных переживаний автора. Письма ее, создавая в совокупности своеобразный психологически сложный женский автопортрет, являются также ценным историческим свидетельством о быте и нравах людей времени так называемой «Хованщины» и содержат повествование о семейной трагедии, о разорении вследствие солдатского «правежа» семьи московского «генерала-стольника и о предпринимаемых его женой попытках вернуть семье ее прежнее положение в обществе. Средства, с помощью которых К. пытается, по ее выражению, «вытащить» свою семью «из грязи» и «ада», превращаются фактически в разоблачение самопроизвола, бюрократизма, взяточничества, казнокрадства и всякого рода интриг.

Особой эмоциональной выразительностью выделяются письма К., рассказывающие о последствиях для семьи второго Чигиринского похода 1678 г., в котором принимал участие М. О. Кровков, состоявший на службе у боярина Г. Г. Ромодановского (№ 139. С. 414—416. № 140. С. 416—417 и др.). К. так описывает П. А. Хованской возвращение мужа в Москву: «А про меня, государыня моя, изволишь спросить, и я с печали одва жива: Матвея Осиповича привезли со службы великого государя из-под Чигирина замертво, одва жив лежит на смертной постеле; што оборотим с боку на бок, то и есть, а сам ничем не владеет, ни руками, ни ногами» (№ 135. С. 412). Причина такого состояния генерала выясняется из последующих писем его жены: «... Матвей Осипович на правеже от солдатского чело-битья забит до смерти; по се ж число ровно пять недель живот свой мучит. Били челом и написали челобитную всем полком, подали за руками, и, против их челобитья, им выдали голову а иску их десять тысяч

по се число, июня по седьмое число, заплачено шесть тысяч двести рублей, а не доплачено четыре тысячи с лишком» (№ 139. С. 415). В изображении К. дело с «правежем» ее мужа осложнено интригой В. А. Змеева, который избежал иска вдвое большего размера: «А на Матвея Осиповича посяг Венедикт Андреевич Змеев. Дело показано было ему, и они, солдаты, ему пригрозили . . . Вяткою, написали на него челобитную в двадцати тысячах. И он, их побоявся, и над Матвеем Осиповичем так учинил, выдал его головою» (Там же. С. 416).

В отличие от остальных писем, в большинстве своем также оформленных в виде челобитных-прошений, ее письма о «правеже» обладают особо сильной эмоциональной окрашенностью и уничижительным тоном начинающая с адресата: «Государыне моей, милостивой матке, кнейне Парасковье Андреевне — нищая и беспомощная, на свете не надобная и в конец разоренная Матвеева женишка Осиповича Кровкова Агашка челом бьет» (№ 139. С. 414). Изображение психологического состояния автора усилено контрастным сопоставлением: «Нажитков моих на веку только один сын, и тот от страху пропал безвестно, и я пуще с умом разорилась. И слуху не было. Я чаела, что не жив» (№ 140. С. 416). Напряженность психологической ситуации передается пересказом «вещего» сна: «Пожалуй, вытащи нас из ада! Помнишь ли, свет мой, как буйволы пили воду, а свиньи их поели и землю подрыли? Все сбылось. А ты меня за руку вытащила. Ты сидела на кровати высоко, а я потонула в грязи. Пожалуй, вытащи, дай за себя вечно бога молить! . . .» (№ 139. С. 416).

К. просит, чтобы «боярин-князь Петр Иванович . . . пожаловал скупил с правежу, а в заклад» предлагается: «. . . извольте взять деревнишки муромския, или подмосковную, или двор московской» (№ 140. С. 417). Прощение завершается мольбой: «Помилуй, матушка, дайте вместо смерти живот! . . . Помилуй, вытащи из грязи! . . .» (Там же). Письмо № 139, раскрывающее ряд имен лиц, имевших отношение к «делу» М. О. Кровкова, сохранилось вопреки воле его автора, просившего П. А. Хованскую: «Изволь, свет моя, письмо прочетчи, изодрать» (Там же. С. 416).

Соч.: Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Изд. Г. Г. Лукьянов // Старина и новизна. М., 1905. Т. 10. С. 406—417 (№ 129—140).

Лит.: Кровков Матвей Осипович // РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 445—446; Б у д о в н и ц. Словарь. С. 215, 358.

Н. Ф. Дробленкова

Кропоткин Михаил (вторая половина XVII в.) — князь, до 1690 г. комнатный стольник при царском дворе, переводчик. Известны его переводы с польского и пересказы (в том числе виршами) отрывков из «Географии» Яна Ботера и из *Хроники Александра Гваньини*, толкующих о Лютере, Кальвине и о пагубности их учений. Известен также его перевод сочинения Симона Старовольского «Двор турецкого салтана и о чину и о строении его во Царегороде». Все эти переводы выполнены К. довольно неумело; они сохранились в сборнике, его автографе (ГБЛ, собр. Пискарева, № 173 (Муз., № 608)), в предисловии («предмове») которого сообщается время работы над переводами — 1690—1691 гг. и место — Белгород. К. с семьей был направлен сюда на службу в полк к воеводе Б. П. Шереметеву в наказание за поездку в 1690 г. в Вологду к сосланному князю В. В. Голицыну с деньгами и письмами от царевны *Софьи Алексеевны* (первоначально князю К. за этот поступок грозило битье кнутом и ссылка). Сборник К. предназначался П. Ф. Колычеву в Петербург и, очевидно, был составлен в первом десятилетии XVIII в. Кроме того, в предисловии К. упоминает выполненный им перевод сборника Апофегмата, местонахождение которого неизвестно. Переводы К. не опубликованы, только его вирши частично изданы Покровским.

Соч.: Покровский Н. Борьба с протестантскими идеями в петровское время и князь Михаил Кропоткин // Рус. вестн. 1872. Т. 172. Сентябрь. С. 224—234.

Лит.: Розыские дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1097, 1117, 1126, 1144, 1170, 1207, 1208, 1241, 1469—1470, 1471—1472; Соловьевский. Переводная литература. С. 57, 91.

О. А. Белоброва

Крючков Исидор (вторая половина XVII в.) — житель города Коломны, автор сочинения о близкой кончине мира. В 1665 г., 19 февраля, он подбросил на полки овощного ряда, где бывало много народа, тетрадь или листки со своим сочинением. Текст этих листков дошел до нас в рукописи второй половины XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1560, л. 81—81 об.), переписанный вместе с полемическим сочинением священника Иоанна «Слово улично», обличающим творение К. как «лживую повесть», излагающую взгляды «капитонов» — раскольников. Из сочинения Иоанна известна дата появления «Повести» в Коломне и дальнейшая судьба ее автора, не ограничившегося распространением своих взглядов в подметном сочинении, но писавшего углем на стенах Вознесенской церкви подобные же «грозы». К. был привлечен в Коломенский архиепископский приказ, где его сочинение было рассмотрено Леонтием Брюзгиным. Автор поначалу, «оторопев, помысли скрыти и учел заперитися вопрошающим о ней», но затем, осмелев, принес тетради Иоанну.

Сочинение К. — один из ранних эсхатологических опытов. Оно по характеру своему отличается от сочинений старообрядцев, так как не содержит характерных для последних теоретических обоснований грядущего прихода антихриста и кончины мира. Начало дошедшего до нас текста несколько испорчено. В целом он составлен в виде отписки «ис Полимитарского града Сипцелеского государства». В ней рассказывается, что в «Полимитарский град» пришли два старца, назвавшиеся пророками и посланные, по их словам, богом Саваофом. Босые, с непокрытыми головами, в платье «незнакомом», «яко нигде такова не обретохом», питающиеся только хлебом и водой, они чудесным образом подкрепили свою проповедь о близкой кончине мира: из «Полимитарского града» они собирались уехать в Рим, но предоставленное им «возило» на глазах у всех разбилось «во мгновении ока». Проповедовали же они, что в 169 (1661) г. будет великая война во всем свете, в 170 (1662) г. не будет пастыря, в 171 (1663) г. «немногия люди Христа спознают», в 172 (1664) г. будет трясение, в 173 (1665) г. гнев божий во всей вселенной, в 174 (1666) г. будет Африка гореть и реки кровью потекут, в 175 (1667) г. «востанет муж велик», в 176 (1669) г. бог в Троице един будет «во всем свете», в 178 (1670) г. светила небесные угаснут и будет «едино стадо и един пастырь» и придет день страшного суда.

Это произведение, несомненно испытавшее влияние Апокалипсиса и его толкований — Слова святого Ипполита и «Слова о втором пришествии . . . и о страшном суде» Палладия Мниха, хорошо известных на Руси в середине XVII в. не только в рукописных списках, но и в печати (см.: Соборник. М., 1647. Л. 120—140, 141—157 об.), все же больше напоминает светскую легенду. Трудно сказать, был ли К. старообрядцем, ибо его представления о предшествующих концу света знамениях в деталях отличаются от старообрядческих сочинений, хотя с последними его сближает указание на точный год конца света (у старообрядцев назывался и 1670, и 1688, и 1699 гг.) и фигуры двух старцев-пророков, легко отождествляемых с упомянутыми в главе II Апокалипсиса ветхозаветными пророками Енохом и Ильей. Однако был ли К. старообрядцем или нет, его сочинение рассматривалось на фоне старообрядческой эсхатологии и вполне укладывалось в ее схему. Характерна для старообрядческой традиции и рукописная форма выступления К. — тетради, или листки, типичные для старообрядческой пропаганды.

В начальной части сочинения К. многое неясно. Что означает название «Полимитарский град»? Следует ли видеть в нем в сочетании с Сицилий-

ским государством искаженное название города Палермо или можно искать его значение в греческом слове *πολύρδος* — «широко известный», «всеми восхваляемый» град? Не находят также объяснения слова «отпущены к вам лучшими достоинству Ухарския земли» и обращение «Подко-раю, великому учителю святых Иерусалимских веры».

Соч.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 209—210; Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII веков / Собр. Е. В. Барсовым. М., 1890. С. VIII, 156—157.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. СХХ, 18—20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46, примеч. 22, 48 и 28, 76—77.

М. Д. Казан

Куракин Иван Семенович (ок. 1575—1632) — князь, боярин, автор «Чаши государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России». Правнук родоначальника Куракиных, А. П. Кураки Булгакова, К. упоминается в источниках с лета 1594 г., когда в чине стольника был рындой на приеме послов австрийского императора (см.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 299). Три года спустя, получив то же назначение, вступил в местнический спор с князем Ю. Н. Трубецким, покинул Москву, за что был «отставлен» и даже «сидел в подклете» (Там же. С. 303; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 130, 147). Был головой в «серпуховском» походе Бориса Годунова (лето 1598 г.), принимал участие в его избрании на трон (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 43; ср. с. 49). При царе Борисе, будучи по-прежнему стольником (среди 19 стольников, перечисленных в боярском списке 1598—1599 гг., К. назван 11-м — см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 180), встречал в Москве шведского королевича и английского посла, в период вторжения Лжедмитрия I (против которого выставил 32 «конных» ратника. См.: Там же. М., 1979. Ч. 2. С. 27) был направлен в Тулу для «осаднава дела». Очевидно, перешел на сторону Самозванца, во время похода которого от Кром к Москве (через Тулу) являлся (согласно разрядным книгам) первым воеводой полка правой руки. Лжедмитрий I пожаловал К. боярское звание (вероятно, в 1605 г. См.: Берх В. Н. Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междоусобицу. СПб., 1832. Ч. 2. С. 76) и назначил наместником и воеводой в Смоленск. В мае 1606 г., возможно, участвовал в заговоре против Самозванца и выступал за ограничение власти нового царя Василия Шуйского, который, передав К. вотчину убитого фаворита «расстриги» П. Ф. Басманова, оставил его на воеводстве в Смоленске. Осенью 1607 г. К. находился уже в столице. О его деятельности в период борьбы московского правительства с войсками Лжедмитрия II читаем в летописцах Новом, Пискаревском и Бельском, Казанском сказании, Хронографе Столярове. В декабре 1607 г. К. в сторожевом полку послан из Москвы к Брянску, осажденному отрядами «Вора». Выйдя к Десне, он поставил острог и сумел переправить запасы продовольствия и вооружения в город. Из-под Брянска войска К. отошли в Карачев, затем он был отозван в Москву, а весной 1608 г. направлен в Болхов. Командовавший «воровской» армией гетман Р. К. Ружинский послал ему и князю В. В. Голицыну грамоту как «сродичем, братье нашей», т. е. гедиминовичам, призывая присоединиться к Лжедмитрию II (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 218—221), но эта грамота не возымела действия. В первый день Болховского сражения (30 апреля 1608 г.) во главе сторожевого полка контратаковал силы «Вора», восстановив положение. Во время тушинской осады Москвы, как считает И. С. Шепелев, был одним из ближайших соратников Шуйского, которому доводился родственником (сестра К. Мария Семеновна являлась женой И. П. Буйносова-Ростовского, брата царицы. См.: Са в е л ь о в Л. М. Страничка из истории Смутного времени: Царица Мария

Петровна Шуйская // РА. 1914. № 2. С. 222). В июне 1608 г. во главе большого полка выступил «из Дорогомилова» против гетмана А. Лисовского, двигавшегося к Москве из Коломны, и на Москве-реке, «на Медвежьем броду», нанес ему поражение. Впрочем, в некоторых «разрядах» отмечено, что ратники К. «заблудились» и остановились и подлинным победителем «воров» считается князь Б. М. Лыков (см.: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 176, 253). По расспросным речам московских выходцев в Тушино, К. «прямил» Лжедмитрию II (АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 250), но едва ли это так. Обороняя столицу от «воров», К. командовал войсками у Покровских ворот, в феврале 1609 г. действовал в Бронницах, близ Москвы (Рус. ист. сб. М., 1838. Т. 2. С. 271); в июне того же года участвовал в разгроме тушинцев возле «царствующего града». Осенью 1609 г. в качестве «прибыльного воеводы» послан из Москвы в Александрову слободу к М. В. Скошину-Шуйскому и под его началом вел наступление на Троице-Сергиев монастырь и Москву. В феврале 1610 г. освободил Дмитров от войск гетмана Я. П. Сапеги, в следующем месяце во главе передового полка вступил в столицу. Вероятно, не входил в состав «семибоярщины», принявшей власть после падения Шуйского. В августе 1610 г. был назначен «оберегать» Москву от отрядов Лжедмитрия II (РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 661). Осенью того же года от короля Речи Посполитой Сигизмунда III получил «лист» на «маетности» в Смоленском уезде и вел следствие по делу о расхищении казны бывшей царицей Марией Петровной (см.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 364; Савелов Л. М. Страничка из истории. . . С. 222—229, 231—233). Активный сторонник кандидатуры Сигизмунда III на русский престол (а не его сына Владислава, как утверждает Е. К. Ромодановская), К. «с русскими и литовскими людьми» 11 февраля 1611 г. был разбит ополченцами под Владимиром и отступил обратно в Юрьев Польский (а по свидетельству Авраамия Палицына, назвавшего его воеводой поляков и русских изменников, — в Москву. См.: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 213), затем, до начала марта, во главе польско-литовского отряда прибыл «на Киржач» (ААЭ. Т. 2. С. 306—307, 324). В июне 1611 г. король щедро пожаловал его деньгами и землями в Муромском и Пошехонском уездах; руководитель оккупационной администрации в Москве А. К. Гонсевский и Сигизмунд III отмечали его «верную службу» (Акты. . . Т. 4. С. 396, 403; Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. / Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1911. С. 50—53, 120, 124, 129 и др.). Из описи посольского архива 1626 г. известно, что король писал К. «белорусским письмом» о приведении населения Русского государства к присяге «на ево имя», обещая новые почести (см.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 124). В декабре 1611 г. К. был назначен дворецким в Казанский дворец; в конце января следующего года вместе с другими московскими боярами подписал грамоты в Кострому, Ярославль и Переславль-Залесский с призывом сохранять верность королевичу Владиславу (Сб. имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1913. Т. 142. С. 292, 298, 299). Накануне сдачи Кремля К. был выдан интервентами ополченцам; по мнению А. А. Семина, в декабре 1612 г. уехал из Москвы, вернувшись туда к моменту избрания на престол Михаила Федоровича (см.: Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1926. Т. 3. С. 1; Семин А. А. Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л., 1980. Вып. 2. С. 237). Участник Земского собора 1613 г., К., видимо, был противником кандидатуры Михаила Романова (см.: Любимов П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 221; Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 года¹ //

ВИ. 1985. № 5. С. 92, 93). Согласно Е. Ф. Тураевой-Церетели, он мог быть в числе претендентов на трон (см.: В а с е н к о П. Г., П л а т о н о в С. Ф., Т у р а е в а - Ц е р е т е л и Е. Ф. Начало династии Романовых: Исторические очерки. СПб., 1912. С. 139). Вряд ли это суждение справедливо, ибо К. скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами и принадлежал к младшей ветви своего рода. По «земляному» боярскому списку весны 1613 г. К. являлся одним из крупнейших русских феодалов (имел свыше 3.5 тыс. четвертей вотчинной земли). В начале царствования Михаила Федоровича возглавлял Владимирский судный приказ. В 1614 г. находился «за Москвою-рекою» с отрядом служилых и черных людей на случай вторжения крымских и ногайских татар и наряду с другими боярами подписал грамоту к польским «радным» панам, разоблачавшую действия Сигизмунда III в отношении России. Новгородские послы, вернувшиеся весной 1615 г. из Москвы, назвали К. в числе главных советников Михаила Романова (см.: Ф о р с т е н Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. № 10. С. 204, примеч. 2). В марте 1615 г. К. вел переговоры с англичанином Д. Мериком, посредником в русско-шведских переговорах. Вскоре после этого (до сентября того же года) он был назначен воеводой в Тобольск, где пробыл до весны 1620 г. Это назначение рассматривается в литературе как почетная ссылка. По предположению Г. П. Георгиевского, К. впал в немилость, будучи сторонником женитьбы царя на М. И. Хлоповой, одновременно с которой он якобы оказался в Сибири. В действительности К. попал туда примерно на год ранее первой невесты Михаила Федоровича, еще до того, как тот решил вступить в брак. Возможно, правительство сочло необходимым удалить К. из Москвы после того, как во время русско-польских переговоров под Смоленском вскрылись новые факты, свидетельствовавшие о его верной службе королю. Согласно сибирскому летописному своду конца XVII в., где подчеркнута, что до К. в Тобольске бояр «не бывало», в ноябре 1621 г. туда прибыл князь Ф. А. Елецкой и «сыскивал про» К. и «иных сибирских воевод» (Книга записная. Томск, 1973. С. 16, 20). Быть может, обнаруженные злоупотребления послужили причиной опалы, в которой К. находился до смерти. Кроме того, из более позднего местнического дела А. Н. Трубецкого с Ф. С. Куракиным, племянником К., узнаем о том, что в период вторжения в Россию Владислава (1617—1618) К., по официальной версии «советник» интервентов, «радовался и ожидал на Московское государство всякого дурна» (М а р к е в и ч А. И. О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1. С. 473—474). Учтем и то, что в октябре 1621 г. Земский собор принял решение объявить войну Речи Посполитой (см.: СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 227—233). Как опальный К. не значится в боярских книгах и «наличных» боярских списках 20-х—начала 30-х гг. XVII в. Известно, что в феврале 1627 г. он находился в заключении (см.: РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стб. 459); по царскому указу его имущество стало распродаваться. Погребен в Троице-Сергиевом монастыре, куда дал богатые вклады по жене Елене Ивановне, урожденной Турениной (детей от нее не имел).

И с точки зрения политической, и с точки зрения литературной представляет интерес сочинение К. «Чаша государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России», которое приписывается ему на основании заглавия в рукописи ГБЛ, собр. Румянцева, № 1529, XVIII в., л. 199 об.—201: «Сказать Чаша государева, слог Ивана Семеновича Куракина». Поскольку в тексте Чаши содержится пожелание царю «видети отца своего», патриарха *Филарета*, который с 1613 по 1619 г. был в польском плену, произведение К. датируют 1613—1619 гг. Он в это время находился в Тобольске, и возможно, что «Чаша государева» — своего рода попытка вернуть себе царское расположение. Особенностью Чаши, созданной К., по сравнению с другими памятниками этого жанра (см. статью *Чаши государевы заздравные*) является ее пышное панегирическое начало. Обычное начало, в котором называются имя и титул государя,

в чью честь возглашается Чаша (например: «Чаша государева, царя, великого князя Ивана Васильевича всея России»), здесь чрезвычайно распространено и превращено в цветистый панегирик: «Великие и превысочайшия, и пресветлыя, и преславно красноседательныя царския степени величества, великаго и свыше прехвальнаго государя нашего, царя крепкаго, царя сильнаго, царя премудраго, царя на степенех высоты украшеннаго милостию, царя начального судом, царя праведнаго, и пресвятою греческою верою на великое Российское государство богом избранного царя, и светозарным светом на нас сияющего и непрестанно краснотцветущею зарею облистующаго, и пресветлою зарею над нами красновозсиявшаго, великаго государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича. . .» и т. д. Содержание Чаши (благопожелания) можно условно разделить на две части: оригинальную и заимствованную из Чаши Бориса Годунова. В оригинальной части есть как благопожелания, постоянные для жанра Чаши (чтобы царь был «здрав и счастен, и недругом своим страшен на неисчетныя лета», чтобы недруги государевы «все покорились под его царскую высокую руку . . . и к нему . . . вины свои принесли, и головы свои под его царской меч подклонили. . .»), так и принадлежащие К.: чтобы вернулся патриарх Филарет и чтобы бог даровал царю «в сочетание цесарска браку» наследника — «благородное семя».

Вторая часть благопожеланий заимствована из Чаши Бориса Годунова. Эта часть содержит следующие пожелания царю: чтобы церкви были тихи и немаятежны, чтобы христианская вера «сияла на всей вселенней . . . яко же и под небесем пресветлое солнце», чтобы трепетали враги «от потрясения его царского меча и храбрьска подвига», чтобы государство Российское «было в строении, и в смирении, и во всяком благодарственном исполнении», после чего следовали пожелания «неисчерпаемой милости» всем, а «повинным милостива пощада и долготерпение», впервые встречающиеся в Чаше Бориса Годунова, включенной в состав Хронографа 1620 г.

Стиль «Чаши государевой» неоднороден. Начало ее — пышное, риторичное — выдержано в стиле русского исторического повествования XVI—XVII вв. Основная часть написана более просто, но с использованием традиционных, в том числе и риторических, оборотов. По предположению А. С. Орлова, Чаша, сложенная К., «едва ли предназначалась для церковного обихода: она содержит указания на краткий срок, когда могла произноситься, и на такие временные обстоятельства, которые не подлежали обязательному воспоминанию» (Чаши. . . С. 19). Однако текст этот нуждался в минимальной переработке, чтобы стать пригодным для многократного чтения. В переработке его, сохранившейся в рукописи ГПБ, Софийское собр., № 1499, сделаны лишь следующие изменения: пожелание, чтобы вернулся патриарх Филарет, заменено пожеланием, чтобы царь от всех великих государей почитаем был «со отцем своим и богомольцем великим государем святейшим патриархом Филаретом Московским и всея Руси», а пожелание, чтобы «русские воры, которые всчали междуусобную брань . . . к нему, великому государю нашему, вины свои принесли; и головы свои под его царской меч подклонили», убрано вообще, видимо, как не отвечающее уже политической обстановке в стране.

Документы, составленные К. в бытность его воеводой в Смоленске и Тобольске (порой в соавторстве с другими лицами), литературного интереса не представляют — это сугубо деловые письма. Отписка К. в Москву и его грамота («лист») к оршанскому старосте А. И. Сапеге, написанные в июле 1606 г., посвящены положению в Смоленском уезде и пограничным спорам (см.: АИ. Т. 2. С. 81—82; Сб. имп. Рус. ист. о-ва. М., 1912. Т. 137. С. 287—289). В отписках К. из Тобольска, адресованных в Посольский приказ и приказ Казанского дворца воеводам Пелыма, Томска, Кетского и Туринского острогов, его «памяти» енисейскому приказному человеку М. Трубчанинову (1616—1620) говорится о сношениях с калмыками и

Китаем, путях в Мангазею, точнее, их сокрытию от иностранцев, о попытке привести под «государеву царскую высокую руку» сибирскую народность нярамзу, об обеспечении служилых людей, сборе дани (см.: РИБ. Т. 2. Стб. 1049—1056, 1070—1072; М и л л е р Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 451; 1941. Т. 2. С. 239—244, 247—251; Русско-монгольские отношения. 1607—1636: Сб. документов. М., 1959. С. 45—50, 69, 86—87; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 44, 55—56, 90—91, 95—96). Одна из отписок К. времени его воеводства в Тобольске в рукописи конца 20-х—начала 30-х гг. XVII в. разделяет повести о Смутном времени (см.: ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 880/990, л. 234—241 об.; К у к у ш к и н а М. В. Семен Шаховской — автор Повести о смуте // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 77). В сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 1408 (150), относящемся к XVII в., «Чаше государевой» предшествует статья о переписке его с правительством по делам «Мунгальской» земли (1619). Лишена художественных достоинств и челобитная К. Сигизмунду III от июня 1611 г. (Земельные пожалования. . . С. 50).

Соч.: Георгиевский Г. П. Чаша государева: Литературный памятник XVII века // Старина и новизна. М., 1907. Кн. 42. С. 307—319; Орлов А. С. Чаши государевы. М., 1913. С. 18—19, 43—46.

Лит.: РБС: Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 581; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Переизд. М., 1937. С. 227, 273, 275, 314, 330, 336, 338, 343, 346, 347, 360, 407, 426; Богоявленский С. К. Приказные суды XVII века. М.; Л., 1946. С. 170, 266; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. С. 91, 92, 116, 262, 268, 271; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 51—53, 55, 58, 72, 89, 115, 124, 125, 426, 428—430, 432, 492, 509—511; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 7, 527; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 32; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 63.

Л. В. Соколова, Я. Г. Солодкин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.
- Адрианова-Перетц и Покровская. — Адрианова-Перетц В. П. и Покровская В. Ф. Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Вып. 1.
- Древнерусская повесть
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.
- Барсков. — Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Памятники
- Барсуков. — Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- Источники агиографии
- БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.
- Будовниц. — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.
- Монастыри на Руси
- Будовниц. Словарь — Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.